

Заведующему кафедрой теории речи и
перевода А. Ю. Ивлевой
студента 2 курса магистратуры очной
формы обучения (на бесплатной
основе) направления подготовки
45.04.01 Филология
факультета иностранных языков
Кисткиной Юлии Михайловны

заявление

Прошу разместить мою выпускную квалификационную работу на тему
«Специфика перевода внешнеторговых контрактов коммерческих
предприятий» в электронной библиотечной системе университета в полном
объеме.

Кисткиша Ю. М.

Заявление о самостоятельном характере выполнения работы

Я, Кисткина Юлия Михайловна, обучающийся 2 курса, направления подготовки 45.04. 01 Филология, заявляю, что в моей работе на тему «Передача религиозной лексики и фразеологии на русский язык в художественных и публицистических текстах (на материале английского и немецкого языков)», представленной в Государственную аттестационную комиссию для публичной защиты, не содержится элементов неправомерных заимствований.

Все прямые заимствования из печатных и электронных источников, а также ранее защищённых письменных работ кандидатских и докторских диссертаций имеют соответствующие ссылки.

Я ознакомлена с действующим в университете Положением о проверке работ обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на наличие заимствований, в соответствии с которыми обнаружение неправомерных заимствований может являться основанием для отрицательного отзыва руководителя работы.

08.05.2018

Работа представлена для проверки в

Системе

08.05.2018

ОТЧЕТ
о результатах проверки работы обучающегося
на наличие заимствований

Ф. И. О. автора работы Кисткина Юлия Михайловна

Тема работы Перевод религиозной лексики в художественных и публицистических текстах (на материале английского и немецкого языков)

Руководитель доцент кафедры теории речи и перевода, к. ф. н., доцент
Н. В. Шестеркина

Представленная работа прошла проверку на наличие заимствований в системе «Антиплагиат.ВУЗ».

Результаты автоматической проверки: оригинальность 90 %
цитирования 3 %
заимствования 7 %

Результаты анализа полного отчета на наличие заимствований:

правомерные заимствования: да, 7 %, наличие заимствований обосновано
да/нет, количество (%), обоснованность

корректные цитирования: да, 3 %, наличие цитирований обосновано
да/нет, количество (%), обоснованность

неправомерные заимствования: нет
да/нет, количество (%), обоснованность

признаки обхода системы: нет
(да/нет, описание)

Общее заключение об итоговой оригинальности работы и возможности её допуска к защите:

Анализ полного отчета о проверке ВКР обучающегося на наличие заимствований свидетельствует о том, что показатель оригинальности текста выше требуемого согласно Положению о проверке работ обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на наличие заимствований, утвержденному ученым советом университета (протокол №4 от 23.04.2018 г.), поэтому студент может быть допущен к предварительной защите и защите ВКР в ГЭК.

Руководитель

доцент каф. теории речи и перевода

«9» июня 2018 г.

Н. В. Шестеркина

АНТИПЛАГИАТ
ТВОРИТЕ СОБСТВЕННЫМ УМОМ

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований

Проверка выполнена в системе

Автор работы

Факультет, кафедра,
номер группы

Тип работы

Название работы

Название файла

Процент заимствования

Процент цитирования

Процент оригинальности

Дата проверки

Модули поиска

Работу проверил

ФИО проверяющего

Дата подписи

Подпись проверяющего

Чтобы убедиться
в подлинности справки,
используйте QR-код, который
содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Предоставленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях.

РЕЦЕНЗИЯ

на выпускную квалификационную работу (магистерскую диссертацию)
студента 2 курса направления подготовки 45.04.01 Филология,
профиль «Переводоведение и практика перевода
(романо-германские языки)»
Кисткиной Ю.М.

Тема магистерской диссертации:

Перевод религиозной лексики в художественных и публицистических
текстах (на материале английского и немецкого языков)

Рецензируемая магистерская диссертация посвящена анализу религиозной лексики в современных английских и немецких художественных и публицистических текстах и её передачи на русский язык.

Следует отметить, что работ по изучению религиозной лексики пока не так много. Лингвистам ещё предстоит детально изучить данный разряд лексики. Любое исследование в этой области, на наш взгляд, всегда вызовет заинтересованность и найдет свою аудиторию.

Религия – это не простая форма общественного сознания в ряду остальных форм. Она является отражением сокровенного, самого потаенного и скрытого в самой человеческой натуре.

В прикладном аспекте, актуальность работы обусловлена необходимостью понимания и правильной передачи религиозной лексики, которая помогает культурам сблизиться, и служит причиной их взаимного обогащения, и взаимопонимания.

Естественным образом религиозная лексика в работе вплетается автором в контекст гибридности, что является основанием для формулировки научной гипотезы, которая заключается в том, что при переводе гибридность текста претерпевает изменения вне зависимости от замысла переводчика. Это и есть суть работы, её квинтэссенция. Поэтому наибольший интерес в прикладном плане вызывает содержание третьей главы, где автор рассматривает межкультурную гибридность, выраженную в языке через религиозную лексику.

Необходимо отметить, что автору удалось передать глубину переводческой задачи ведь различия в культуруносных концептах лингвокультур не позволяют переводчику адекватно передать авторский замысел, но с другой стороны, здесь открывается обширное поле для творчества, которое позволяет переводчику не просто перенести текст из одной лингвокультуры в другую, а создать нечто большее, позволить реципиенту взглянуть на другие культуры с новой, непривычной для него точки зрения.

Основное *замечание* к выполненному исследованию – следующее: Выводы во всех трех главах, две главы по 30 и 35 страниц, одна – 18, едва дотягивают до половины страницы. Такой минимализм резко контрастирует с изложенным в работе теоретическим и практическим материалом.

Указанное замечание не умаляет достоинств работы. Автор работы представил исследование с четко выраженной теоретической значимостью и практической направленностью, исследование в котором скрупулёзно проанализирована как религиозная лексика с позиций когнитивной лингвистики, так и феномен гибридности текста перевода.

Таким образом, дипломная работа отличается композиционной проработанностью, последовательностью в изложении материала, логической завершенностью выводов. Работа должным образом структурирована, состоит из введения, трех глав и заключения. Список использованной литературы насчитывает 67 источников, в том числе материалы зарубежных исследователей и интернет-ресурсы на русском, немецком и английском языках. Содержание работы полностью соответствует заявленной теме.

Магистерская диссертация Кисткиной Ю.М. отвечает всем требованиям, предъявляемым к подобным исследованиям и заслуживает высокой оценки.

Рецензент канд. филос.
наук, доц.

С. И. Янин

О Т З Ы В
научного руководителя
о магистерской диссертации Ю. М. Кисткиной
**«ПЕРЕВОД РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**
Саранск, 2018

Самостоятельному выбору темы дипломной работы Ю. М. Кисткиной способствовало отличное знание немецкого и английского языков и всесторонние интересы, эрудиция и креативность. Поиск эмпирического материала по теме исследования был предложен и осуществлен магистранткой самостоятельно.

Предлагаемая вниманию магистерская диссертация является интересным комплексным исследованием, посвященным актуальным вопросам перевода религиозной лексики, включающим передачу антропонимических номинаций богов и их речевых портретов в романе Н. Геймана «Американские боги», а также восприятие концепта как переводческой проблемы на материале газетной статьи. Кроме того, автором изучена такое редкое явление как гибридность по Бахтину (на уровне текстов, предложений, словосочетаний, слова и фонемы).

Диссертационное исследование Ю. М. Кисткиной масштабно в плане поставленной проблемы и характера ее реализации. Круг авторов, которые она привлекает для анализа, достаточно обширен (67 источников). В основе наблюдений и выводов диссертантки лежит глубокое проникновение в текст, стремление понять логику авторской мысли и передачу ее перевода. Само художественное произведение воспринимается ею как выражение личного взгляда автора на положение человека в мире, на проблему добра и зла. Еще одна особенность работы – всестороннее, глубокое обобщение научных трудов по заявленной теме. Работа Ю. М. Кисткиной отличается живой заинтересованностью в теме и предмете ее исследования. Текст работы включает читателя в соразмышление.

Анализ достаточно широкого теоретического и практического материала, привлечение интересных источников, использование проверенных методов анализа обеспечивает исследованию Ю. М. Кисткиной достоверность и обоснованность полученных результатов.

Материалы диссертации могут активно участвовать в учебном процессе. Основные положения и выводы магистерской диссертации могут быть использованы в разработке лекционных и практических курсов по переводческому анализу художественного текста, в лингвокультурологическом аспекте переводоведения, сравнительной лексикологии, а также интерпретации текста, теории и практике художественного перевода. Проведенный в рамках данного исследования обширный сопоставительно-переводческий анализ на материале текста современной художественной литературы и публицистики может найти полезное применение при составлении лингвокультурологического словаря.

Тема дипломного исследования успешно раскрыта, чему способствовали достаточный уровень филологической подготовки студентки и успешное освоение ею комплекса теоретических и практических дисциплин при обучении на факультете иностранных языков и в магистратуре. Диссертационная работа Ю. М. Кисткиной представляет собой концептуально цельное исследование, которое отвечает всем требованиям, предъявляемым к работам подобного вида, и может быть допущена к защите.

Обращает на себя внимание публицистическая активность автора работы. Это тезисы конференций и статьи количеством 5, где 3 статьи входят в перечень РИНЦ, а одна – в перечень ВАКа. Результаты исследования освещались на конференциях разного уровня – международных и всероссийских.

Аргументы и выводы автора работы звучат убедительно, доказательно и свидетельствуют о том, что она обладает отличной лингвистической, переводческой и художественной компетенциями. Работа написана хорошим научным языком, логично структурирована, отличается

глубиной и скрупулезностью проведенного анализа. Таким образом, Ю. М. Кисткина зарекомендовала себя как хорошо подготовленный специалист, способный самостоятельно решать переводческие проблемы. Настоящая работа представляет собой интересное, законченное исследование.

С учетом всего вышесказанного, а также с учетом соответствия магистерской диссертации всем требованиям, предъявляемым к сочинениям подобного рода, она может быть допущена к защите.

Научный руководитель

канд. филол. наук

доцент

Н. В. Шестеркина

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра теории речи и перевода

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

д-р филос. наук, доц.

 А. Ю. Ивлева

А. Ю. Ивлева

31 мая 2018 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ПЕРЕДАЧА РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ
РАЗЛИЧНЫХ ЭПОХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Автор магистерской диссертации 31.05.2018 Ю. М. Кисткина

Обозначение магистерской диссертации МД–02069964–45.04.01–20–18

Руководитель работы

канд. филол. наук, доц.

31.05.2018 Н. В. Шестеркина

Нормоконтролер канд.

филол. наук, доц.

31.05.2018 С. В. Чертоусова

Рецензент канд. филос.

наук, доц.

31.05.2018 С. И. Янин

Саранск
2018

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра теории речи и перевода

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой
д-р филос. наук, доц.
 А. Ю. Ивлева
01 ноября 2016 г.

ЗАДАНИЕ НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ
(в форме магистерской диссертации)

Студент Кисткина Юлия Михайловна

1 Тема Передача религиозной лексики и фразеологии различных эпох на русский язык в художественных и публицистических текстах (на материале английского и немецкого языков).

Утверждена приказом № 9297-с от 01.11.2016 г.

2 Срок представления работы к защите 31.05.2018 г.

3 Исходные данные для научного исследования: исследования в области перевода, межкультурной коммуникации, этимологии, мифологии и когнитивной лингвистики

4 Содержание выпускной квалификационной работы

4.1 Религиозная картина мира и её отражение в художественных и публицистических текстах

4.2 Религиозная лексика с позиции когнитивной лингвистики

4.3 Религиозная лексика в контексте гибридности

Руководитель работы 	01.11.2016	Н. В. Шестеркина
Задание принял к исполнению 	01.11.2016	Ю. М. Кисткина

РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация содержит 103 страницы и 67 использованных источников.

КОНЦЕПТЫ, ГИБРИДНОСТЬ, РЕЛИГИЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА, МИФОЛОГИЯ, МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ.

Объект исследования – религиозная лексика в художественных и публицистических текстах.

Предмет исследования – перевод религиозной лексики в художественных и публицистических текстах.

Материалом для нашего исследования послужили художественное и публицистическое произведения. Это роман Н. Геймана “American gods” и статья „Gottes unheimliche Macht”, и их переводы «Американские боги» и «Невероятная сила Господа».

Цель работы – изучение религиозной лексики в современных английских и немецких художественных и публицистических текстах и её передачи на русский язык.

Для достижения этой цели нами были поставлены следующие **задачи**:

1. Провести переводческий анализ вышеупомянутых произведений с высоким содержанием религиозной лексики.
2. Провести сравнительный анализ текстов оригинала и перевода и выявить закономерности в изменении предполагаемого восприятия текста.
3. Определить причины, по которым происходят данные изменения, найти пути их устранения либо доказательства того, что изменения неизбежны.

Научная гипотеза нашего исследования заключается в том, что при переводе *гибридность* текста претерпевает изменения вне зависимости от замысла переводчика.

В ходе исследования наша гипотеза подтвердилась.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Религиозная картина мира и её отражение в художественных и публицистических текстах	9
1.1 Религиозная картина мира	9
1.2 Передача антропонимических номинаций богов в романе Н. Геймана «Американские боги»	16
1.3 Передача речевого портрета персонажа-бога в романе Н. Геймана «Американские боги»	28
1.4 Стилистические приёмы, основанные на религиозной лексике в газетной статье	37
2 Религиозная лексика с позиции когнитивной лингвистики	42
2.1 Понятие межкультурной коммуникации	42
2.2 Понятие концепта	50
2.3 Восприятие концепта как переводческая проблема (на материале концептов „ <i>Religion</i> ” и „ <i>Macht</i> “)	55
3 Религиозная лексика в контексте гибридности	61
3.1 Понятие гибридности	61
3.2 Анализ гибридности в художественном тексте	66
3.3 Анализ гибридности в публицистическом тексте	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	98
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ-ПРИМЕРОВ	103

ВВЕДЕНИЕ

Темой данной магистерской диссертации является передача религиозной лексики и фразеологии различных эпох на русский язык в художественных и публицистических текстах (на материале английского и немецкого языков). Исследования, раскрывающие особенности формирования человеческого мышления и этапы его формирования, достаточно популярны в наши дни. Анализ культурного наследия позволяет нам лучше понять человеческую природу. Культура берёт своё начало в религии. В ходе истории человечества вместе с представлениями людей о мире появились различные религиозные верования, ставшие важнейшим компонентом истории культуры. Именно при исполнении первых обрядов к священным действиям впервые были добавлены звуки и слова, чтобы сделать ритуал понятнее и лучше запомнить его, а затем передать знания потомкам. Таким образом, начиная с самых ранних этапов развития человека, религия и мифология оказывали огромное влияние на развитие языка. В дальнейшем понятия, созданные древним человеком, оказали неоценимую помощь в познании мира и позволили нашим предкам не только создавать новое, но и сохранять полученные знания и делиться ими. Их значения впоследствии сильно изменились, частично вошли в состав фразеологизмов, широко используемых в наши дни.

Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью понимания и правильной передачи религиозной лексики и фразеологии, которая помогает культурам сблизиться, служит причиной их взаимного духовного обогащения и взаимопонимания. Это чрезвычайно важно в мире, где страны и народы стали близки, как никогда, благодаря информационным технологиям. Понимание особенностей мышления и характера других народов помогает при построении личных отношений между людьми и способствует взаимопониманию между странами.

Объектом нашего исследования является религиозная лексика. Мы не будем ограничивать себя современными мировыми религиями или древними

мифами и легендами. И те, и другие на протяжении истории формировали представления о мире и моральные нормы. Это особенно заметно проявляется в культуре разных стран, в том числе, в литературе, впитывающей не только новейшие для какого-то периода идеи, но и всё предшествующее ему культурное наследие.

Предметом нашего исследования является перевод религиозной лексики. Перевод – это сложный и многоплановый когнитивный процесс, особенности которого во многом определяются целями и задачами переводчика. Перевод зависит и от множества других факторов, в частности, от грамматической структуры языков оригинала и перевода, различных коннотаций значения идентичных денотатов, национальной картины мира, присущей той или иной лингвокультуре, исторических и текущих политических событий. Религия, господствующая в стране, влияет и на особенности языка и речи местных жителей, и на их национальный характер. Развитие нормы поведения и формирование основных ценностей общества долгое время шли параллельно с развитием религии. Несмотря на то, что в последнее время религия утрачивает влияние на повседневную жизнь, тысячелетия истории, когда она господствовала в сердцах и мыслях людей, никогда не исчезнут из нашей жизни и не изгладятся из памяти.

Материалом для нашего исследования послужили художественное и публицистическое произведения. Это роман Н. Геймана “American gods” и статья „Gottes unheimliche Macht”, и их переводы «Американские боги» и «Невероятная сила Господа». Художественная литература богата образными выражениями и передаёт отношение людей к религии. Публицистическая литература позволяет судить о тенденциях развития общества.

Цель работы – изучение религиозной лексики в современных английских и немецких художественных и публицистических текстах и её передача на русский язык.

Для достижения этой цели нами были поставлены следующие **задачи**:

1. Провести переводческий анализ вышеупомянутых произведений с высоким содержанием религиозной лексики.
2. Провести сравнительный анализ текстов оригинала и перевода и выявить закономерности в изменении предполагаемого восприятия текста.
3. Определить причины, из-за которых происходят данные изменения, найти пути их устранения либо доказательства того, что изменения неизбежны.

Научная гипотеза нашего исследования заключается в том, что при переводе *гибридность* текста претерпевает изменения вне зависимости от замысла переводчика.

Апробация результатов исследования. Основные результаты нашего исследования нашли отражение в следующих опубликованных работах: тезисах и статьях в научных сборниках разного формата общим количеством 5, в том числе 3-х публикациях, входящих в перечень РИНЦ, и одной, входящей в перечень ВАК РФ. Результаты исследования освещались на конференциях разного уровня, таких как: **международные:** «Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж. Р. Р. Толкина)» (Москва, МОГУ, 2017), Девятой международной молодёжной научно-практической конференции «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире» XVIII (Нижний Новгород, НГЛУ, 2017), Международной Школе-конференции по фольклористике и культурной антропологии «Наука как процесс: верификация знания и/или языка описания» (Москва РГГУ, 2018); **всероссийские** (с международным участием): «Иностранные языки в диалоге культур» (Саранск, МГУ, 2017), «Когнитивные исследования языка: когнитивные исследования в гуманитарных науках» (Тамбов, ТГУ, 2018).

В качестве **теоретико-методологической основы** исследования служат работы таких известных специалистов в области лингвистики, переводоведения, фольклористики, когнитивной лингвистики и т. д., как М. М. Бахтин, А. Голан, С. Ю. Неклюдов, В. И. Карасик, О. К. Ирисханова, Н. В. Шестеркина.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении основных трудностей, связанных с переводом религиозной лексики в художественных и публицистических текстах, и поисках возможных путей их преодоления. Выводы, сделанные нами, могут послужить для дальнейших исследований в этом направлении и будут использованы нами для написания кандидатской диссертации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его материалов для ознакомления студентов-переводчиков с особенностями перевода религиозной лексики, а также с такими понятиями, как культуруносные концепты и гибридность.

В ходе исследования мы применяли такие **методы**, как композиционный анализ текста, семиотический метод, интертекстуальный анализ, контент-анализ, сопоставительно-переводческий анализ, этимологический, концептуальный, метод мифореставрации.

Структура работы. Магистерская диссертация состоит из введения, трёх частей, заключения и списка использованной литературы. Объём работы составляет 103 с., количество источников 67.

1 Религиозная картина мира и её отражение в художественных и публицистических текстах

1.1 Религиозная картина мира

Прежде чем приступить к описанию *религиозной лексики*, мы решили подробнее остановиться на определении таких понятий, как *религия* и *религиозная картина мира*, а также рассмотреть взаимосвязь между религией и языком.

На протяжении истории значение слова «религия» претерпевало изменения, связанные, в первую очередь, не с самим явлением, а с господствующим в данный период времени отношением к нему. В настоящее время существует множество различных определений, данных разными людьми. Так, Шлейермахер понимал религию как постоянное ощущение божественного присутствия [46], Кант – как признание существования абсолютной истины и абсолютного знания [14], К. Маркс – как осознание человеком убожества своего существования и бесплодную попытку изменить его [14]. Эти определения, данные в разное время разными людьми, освещают многочисленные аспекты этого многогранного понятия. Поэтому неудивительно, что определения Шлейермахера и Карла Маркса значительно отличаются.

Большинство исследователей сходятся на том, что слово *религия* имеет латинское происхождение и восходит к *religio*, у которого, в свою очередь, также существует множество значений, среди них «почитание богов», «страх перед богами», «моральный долг» и позже, «монашеская жизнь» [58]. Можно сказать, что религия предполагает существование высших, сверхъестественных сил, бога или богов и требует поведения, учитывающего их существование.

Религиозные верования в той или иной форме существуют с доисторических времён. Это связано с осознанием человеком себя как личности, которое проявляется, в том числе, в вере в загробное существование и, следовательно, в необходимость заботы об умерших. Помимо этого,

определение истинных и ложных взаимосвязей между различными явлениями природы и их персонификация позволили первобытным людям сформировать определённое представление об окружающем мире, объясняющее его структуру. Наконец, третьей составляющей первобытных верований стали обрядовые действия, изначально закрепляющие модель взаимодействия, необходимую для успешного проведения того или иного мероприятия, например, охоты [45, с. 147–153]. На этом этапе можно отметить важнейшую связь между религией и речью: возгласы-команды регулировали поведение группы людей во время действия и приобретали определённое значение [45, с. 147–153]. Таким образом, можно сказать, что религия способствовала появлению и развитию языка, что процессы их формирования неотделимы друг от друга. При дальнейшем развитии системы представлений о мире в языке появлялись слова, необходимые для описания этих представлений. Можно предположить, что на данном этапе формирования языков ещё не существовало чёткого разграничения между *религиозной* и *нерелигиозной лексикой*, поскольку слишком большой спектр явлений окружающей действительности объяснялся религиозными представлениями. Также можно сделать вывод о том, что передача потомкам сложной системы взаимосвязанных представлений об окружающем мире способствовала развитию речи людей, требуя всё больше лексики и грамматических конструкций.

В дальнейшем эти представления развились в сложную систему политеистических религий, в которых помимо историй взаимоотношений богов, объясняющих явления природы, можно выделить обязательный сюжет сотворения мира, описание мира богов и постсмертия. Это обогащает язык множеством *номинаций богов*, а также *топонимов* реальных и вымышленных мест, названия артефактов, событий и видовые названия вымышленных существ. Религиозный культ почитания какого-либо божества также привносит в язык названия различных обрядов, наименование его служителей, места, где отправляется обряд, названия артефактов и многое другое. Следует отметить, что религиозная лексика не существует в изоляции от всей прочей. Несмотря на

стремление людей отделить сакральное от профанного и высокое от низкого, сама человеческая природа, в которой духовное неотделимо от телесного, способствует смешению этих пластов лексики. Так сакральные понятия проникают в повседневную жизнь в виде образных выражений, фразеологизмов, а нередко и ругательств. Во многом именно это явление позволяет единицам религиозной лексики оставаться в составе живого языка даже после того, как породившая их религия «канула в Лету» (sic!).

Несмотря на то, что монотеистические религии, пришедшие на смену политеистическим во многих культурах, предполагают только одно божество, имя которого нередко табуировано, количество религиозной лексики продолжает оставаться высоким. Учитывая, что процесс изменения веры в большинстве культур происходил постепенно, и следует говорить не о полном замещении одного другим, а о смешении, частичном изменении в обеих религиях, адаптации их друг под друга. Показательно, в первую очередь, временное совпадение христианских и языческих праздников, даже если изначально его не предполагалось (Рождество) и выполнение святыми функций языческих богов (Илья-пророк). Также следует отметить, что существование языческих богов не опровергалось ранними германскими христианами полностью, они продолжали существовать, низведённые до демонов ада или фейри. Последнее можно назвать деградацией, при которой божество, обладающее сложившейся личностью и историей взаимоотношений с другими богами, вновь стало духом природы, вечным «трикстером», близким к гораздо более ранним этапам язычества. Также продолжает существовать множество артефактов, религиозных обрядов и праздников, сохраняется, и даже усиливается свойственная некоторым политеистическим религиям вера в сакральность светского правителя. Новые лексические единицы проникают в разговорный язык, создаются новые письменные произведения, закрепляющие написание слов. Следует отметить, что христианская культура является достаточно всеобъемлющей, чтобы проникнуть практически во все сферы

повседневной жизни, помимо религиозных обрядов как таковых, и, следовательно, закрепиться в лексике самых различных сфер.

Взаимопроникновение культур, неизбежное при войнах, торговле и развитии транспортной системы, обусловило смешение различных религиозных лингвокультур и появление в языках ранее несвойственной им лексики. Так, очень показательны описанные в литературе «басурмане», «сарацины» и иудеи. Описание их религиозных традиций, верований и обычаев, сами их имена (тоже тесно связанные с религией) и манера речи используется как в устной, так и в письменной речи для обозначения «чужого» (см. конфликт «свой – чужой»), формирует его образ и речевой портрет, способствует созданию, поддержанию и развитию стереотипов о представителях иной культуры.

В настоящее время вследствие научно-технического прогресса и определённых политических событий религия играет значительно меньшую роль в повседневной жизни людей. Люди не понимают значения многих слов, связанных с религией, несмотря на развитие информационных технологий, проникновение религиозной лексики в повседневную жизнь людей значительно снизилось вследствие консерватизма большинства мировых религий и отрицания ими пользы прогресса. Однако в новейшее время, когда религиозные институты освоили массмедиа, появились современные примеры смешения сакрального и профанного, которые мы также планируем осветить в практической части.

Показательно, что религиозная лексика, попавшая в повседневную речь в виде фразеологизмов, устойчивых сочетаний и риторических восклицаний, по-прежнему широко представлена в языке и употребляется людьми вне зависимости от того, понимают ли они её исконное значение.

Понятие религии тесно связано с понятием картины мира. Функции религии во многом соответствуют функциям картины мира, в особенности мировоззренческой и нормативно-регулятивной. На основе религии построены собственно религиозная и мифологическая картины мира, с ней тесно связана

также философская картина мира (вне зависимости от того, осуждается в ней религия, или признаётся). Научная картина мира, господствующая в развитых странах, дальше всего ушла от религии, однако, она существует сравнительно недолгое время и, несмотря на всеобщее образование и доступность научной информации, отдельные элементы религиозной и мифологической картин мира остаются достаточно распространёнными.

Картина мира – это определённая система представлений человека или группы людей об окружающей действительности. Согласно немецкому философу О. Шпенглеру, «...каждый думает, что существует единственный, самостоятельный и вечный мир», но на самом деле «существует столько же миров, сколько людей и культур» [47, с. 164]. Исходя из этого, можно говорить о том, что картина мира уникальна для каждого отдельного человека. Однако существуют некоторые общие черты у людей-носителей общей культуры, что нашло отражение в определении этнической картины мира, «единой когнитивной ориентации, являющейся невербализованным, имплицитным выражением понимания членами каждого общества “правил жизни”, диктуемых социальными, природными и сверхъестественными силами» [7]. А. В. Лебедев делает вывод, что «термин “картина мира” применяется для обозначения мировоззрения людей определенной исторической эпохи, характеризуется эволюцией и развитием духовно-практического освоения природы» [24].

Мифологическая и религиозная картина мира имеют как сходства, так и различия. Н. Б. Мечковская объединяет их в религиозно-мифологическую картину мира [45, с. 147–153]. Поскольку значительная часть наших исследований посвящена переводу лексики, происходящей из различных мифологий, мы решили рассмотреть особенности мифологической картины мира.

Структура и формирование мира являются одними из главных вопросов мифологии. Миф описывает действительность как динамическую систему, состоящую из бинарно-ритмических оппозиций, таких как *день – ночь, свои –*

чужие, верх – низ, жизнь – смерть. Мир описывается как растение (*древо*) или животное (*конь, лось, мамонт, черепаха*), позже – как человек или антропоморфное существо (*Пуруша, Гая, Имир*).

Поскольку мифологическая картина мира формировалась на этапе родоплеменных отношений, все явления окружающей действительности описываются через этот тип отношений. Каждое природное явление соответствует тому или иному аспекту жизни племени: рождение, взросление, вступление в брак, зачатие, старение, смерть. При развитии новых типов отношений в племени они находили отражение и в мифологии. При этом миф осознавался не как отражение действительности, а как её идеальная модель, которой действительность должна соответствовать. Таким образом, миф носит нормативно-регулятивную функцию: при возникновении конфликтной ситуации миф выступает источником нормы, правила, в соответствии с которым должны разрешаться споры.

Мифологическому мышлению свойственна трансдуктивность – построение аналогий и следование им. Это важный этап развития человеческого мышления, обладающий, однако, существенными недостатками. Миф допускает существование логических противоречий, точнее – миф не замечает их наличия. Несмотря на то, что миф несёт некоторую разъяснительную функцию, его познавательная ценность довольно низка, поскольку мифологическому мышлению свойственно не отличать важные функции от второстепенных, неизбежные последствия от случайных и определять предметы и явления по несущественным или вовсе выдуманым особенностям. Это явление можно объяснить недостаточно развитым логическим мышлением, неспособным сформировать систему научных знаний. Характерно, что подобное мышление в настоящее время свойственно детям младшего возраста и людям, не имеющим доступа к системе научных знаний.

Миф связывал человека с природой на том этапе, когда люди всё ещё были зависимы от природных явлений, но уже достаточно обособлены. Отголоски мифологического мышления всё ещё присутствуют в сознании

современных людей. Все особенности мифологического мышления закономерно нашли отражение в языке как системе кодирования и передачи информации, что может служить причиной кажущейся нелогичности многих древних корней слов и взаимосвязей между ними. Мифологическая картина мира легла в основу не только религии, но и различных видов искусства.

Религиозная картина мира (далее РКМ) во многом близка мифологической, однако представляет собой более поздний, более совершенный этап человеческого мышления и осознания человеком себя, как личности. Одним из ключевых аспектов религии является доминирование веры над разумом. Следовательно, религиозная картина мира признаёт существование внутренних логических противоречий, но считает их оправданными наличием Бога. «При внешней ригидности религиозное сознание обладает необычайной внутренней гибкостью, способностью чутко реагировать на взаимодействие со средой» [45, с. 147–153].

Также, в отличие от мифа, религия чётко разграничивает земной и потусторонний мир. В то же время потусторонний продолжает преобладать, как идеал, абсолют, к которому следует стремиться. «В РКМ крупных религий трехъярусное строение мира (небо, Земля, преисподняя), противопоставление небесного (совершенного) земному (бренному), гео- и антропоцентризм. РКМ отражена в “священных книгах”» [45, с. 147–153].

Другим отличием является наличие воли Творца, Создателя. Мир не самозарождается из тела некоего существа, а является плодом его умышленного творения. Таким образом, всё происходящее в мире обусловлено желанием (и действием) сверхъестественного существа. Бог представляет собой высшую власть над земным миром, однако в разных религиях она может быть как безграничной, так и ограниченной [35, с. 57].

Наконец, одной из важнейших отличительных черт религии является её универсальность для всего человечества. Религия не ограничена родоплеменными отношениями и признаёт единство людей по принципу принадлежности к религии. Это кардинальное отличие поспособствовало

изменению оппозиции *свой – чужой*, дало возможность формирования новых типов общественных отношений и централизации государств. «Религия объединяет людей в триединстве веры, обряда и эмоционального переживания чуда» [18, с. 226]. В то же время, оно усилило противоречия и дало почву для массовых войн.

Как было сказано выше, религиозная лексика проникла во все аспекты жизни и, соответственно, во все слои языка. Однако, помимо этого, религия поспособствовала развитию философии и других гуманитарных наук, дала огромный толчок развитию литературы, музыки, изобразительного искусства и архитектуры. Таким образом, религия является неотъемлемой частью культуры человечества.

1.2 Передача антропонимических номинаций богов в романе Н. Геймана «Американские боги»

В нашей работе мы коснулись как политеистических, так и монотеистических религий. На примерах художественного и публицистического текста мы рассмотрели связь между религией и культурой и изменения, которые она претерпевает при переводе. Это исследование показывает, сколь сильно язык определяет наше отношение к тем или иным явлениям действительности, как древние представления о мире продолжают влиять на сознание современного человека и в чём заключается проблема непереводимости.

В то же время наше исследование позволяет шире взглянуть на современный мир и необратимый процесс глобализации как на возвращение к исходному состоянию человеческого стада, делящего общую культуру и общий язык, «обогащённый». В настоящее время наблюдается повышенный интерес людей к мифологии и религии. Основу этой тенденции заложили учёные XVII века, позже её продолжили и художники XX в., обратившись к первичным, примитивным формам искусства с целью постичь саму суть художественного

образа. Впоследствии к художникам примкнули писатели, кинематографисты и даже авторы и создатели комиксов. В современной массовой культуре существует множество произведений, полностью или частично основанных на мифологии.

Одним из них является рассматриваемый нами роман американского писателя Нила Геймана «Американские боги» [67] (Gaiman Neil, “American Gods” [66]) (перевод А. А. Комаринец). В этом романе, принадлежащем к жанру фэнтези, автор поднимает проблему мультинациональности современного населения Соединённых Штатов и смешения культур на территории страны. Люди различных вероисповеданий попадали на новый континент добровольно или насильственно, принося туда свои верования и обряды, в результате чего Америка в романе наполнилась персонифицированными божествами разных стран и континентов, жаждущими поклонения и признания. Отсюда вытекает и другая поднятая в романе проблема – ответственность человека за порождённый им мифологизированный мыслеобраз, который погибает, оставаясь забытым и лишённым необходимых обрядов, которые переходят к новому божеству. В роли новых божеств в романе выступают современные технологии, такие как железная дорога, телевидение, гаджеты и многое другое. Автор поднимает проблему обожествления достижений современной цивилизации, превращения предметов быта из помощников в выполнении повседневных дел в жертвенные алтари для времени, денег, здоровья и личного благополучия.

Главным героем романа является бывший заключённый по имени *Тень Мун* (*Shadow Moon*, буквально «Тень Луны»), который после гибели своей жены Лоры в автокатастрофе поддаётся настойчивым уговорам некоего мистера *Среда* (*Mr. Wednesday*) и начинает работать его сопровождающим и телохранителем. Мистер Среда посещает своих давних знакомых, очень необычных людей, обладающих паранормальными способностями. По многочисленным отсылкам становится ясно, что все они, в том числе и сам мистер Среда, реинкарнация *Одина*, являются воплощениями Старых Богов из

древней мифологии. Мистер Среда предлагает им объединиться для борьбы с Новыми Американскими Богами, воплощёнными в современных технологиях. Старые боги с большей или меньшей охотой соглашаются принять участие в грядущей битве. Новые Боги несколько раз похищают, избивают и шантажируют Тень, предлагая ему перейти на свою сторону, но ему всегда удаётся спастись. Незадолго до начала битвы Новые боги похищают и убивают мистера Среду, и Тень, согласно заключённому им договору, вызывается «бдить» у его тела, что стоит ему жизни. После своей смерти Тень узнаёт, что Среда – его отец. Получив на суде оправдательный приговор, Тень выбирает небытие, однако затем его оживляют. Выясняется, что мистер Среда не погиб, а битва между Старыми и Новыми богами спланирована Óдином и его братом Локи, выступающим на стороне Новых богов, будет посвящена мистеру Среде, что даст ему небывалую силу. Тень успевает сообщить об этом враждующим сторонам, тем самым предотвращая кровопролитие.

Мы поставили цель рассмотреть способы передачи на русский язык имён собственных, принадлежащих языческим богам. Мы рассмотрим имена лишь наиболее значимых фигур среди многочисленных мифологических персонажей, упомянутых в романе, а именно скандинавские, славянские и египетские мифонимы.

Многие боги в романе используют форму представления и говорят о своих именах *“you call me...”* («называй меня»), *“they call me”* («они называли меня»), *“I was called”* («я назывался») и т. п., не используя более распространённый англоязычный вариант *“my name is...”* («моё имя ...»). Это связано с табуированием и сакральностью истинного имени и необходимостью упоминать его лишь косвенно. Несмотря на то, что в русскоязычной традиции форма «меня зовут...» более распространена, чем «моё имя ...», переводчик, по всей видимости, зная о мотивах автора, использует различные мифологические варианты, такие как «он называет себя», «меня называют» и т. д.

Много внимания автор уделил скандинавской мифологии и пантеону скандинавских богов. Приведём некоторые примеры:

His gods were already waiting for him when he arrived: Tyr, onehanded, and gray Odin gallows-god, and Thor of the thunders [66].

В переводе: *Боги Севера уже ждали его в этой земле: Тюр-однорукий, и седой Óдин, бог висельников, и громовник* [67].

Бог Тюр первоначально был богом неба в германо-скандинавской мифологии, позже он упоминался как бог войны. Эпитет «однорукий» он получил после того, как чудовищный волк Фенрир откусил ему правую руку [30, с. 712].

Tyr, onehanded – Тюр-однорукий – Тюр, вариантное соответствие, транскрипция с элементами транслитерации, другой вариант перевода имени *Тюу. Однорукий* – вариантное соответствие. Прилагательное, входящее в состав основного слова, в оригинале форма причастия.

В отличие от оригинала, где эпитет отделён от имени собственным запятой и носит поясняющий характер, в русском переводе эпитет пишется через дефис.

Thor – старший сын **Óдина**, сильнейший, но далеко не самый мудрый из богов [30, с. 519]. Его имя происходит от общескандинавского *Þorr*, что буквально означает “thunder” (гром), от *þunroʒ, родственного староанглийскому þunor (гром), от общегерманского *thunraz от праиндоевропейского *(s)tene- «звучать, греметь» [57].

Имя *Thor* передаётся устоявшимся в русском языке эквивалентом, также используется и слово «громовник», выражающее функции персонажа, вместо более распространённого в русском языке официального «громовержец». Возможно, слово «громовник» используется, чтобы подчеркнуть речевые особенности людей, употреблявших это имя (просторечие).

“The thunderer is here with us, in this distant land” [66].

в переводе: *Громовник и здесь с нами, в этой дальней стране* [67].

The thunderer – Громовник – Вариантное соответствие

Thor of thunders – Громовник Thor – словосочетание из двух существительных с предлогом of, выполняющим в английском языке функции

притяжательного падежа, заменяется словосочетанием из двух существительных в именительном падеже, наблюдается инверсия, характерная для высокого стиля.

Одним из главных героев романа является реинкарнация *Óдина*, верховного бога скандинавской мифологии, соответствующего западногерманскому *Водану/Вотану* [30, с. 712], он именуется в романе *мистер Среда* (*mister Wednesday*). В генезисе *Вотан* (= *Óдин*) – хтонический демон, покровитель воинских союзов и воинских инициаций, бог-колдун (шаман). В конечном счёте он стал представлять духовную власть и мудрость. *Óдин* – бог войны, сеятель военных раздоров [30, с. 12]. В романе *мистер Среда* реализует все эти функции.

Этимологии имени *Ódin* даёт нам возможность более подробно рассмотреть как оригинал, так и перевод: *Ódin* – от общескандинавского *Odinn*, из протогерманского **Wodanaz*, (отсюда староанглийское *Woden*, древневерхненемецкое *Wuotan*), из праиндоевропейского **wod-eno-*, **wod-ono-* «яростный, неистовый, вдохновлённый» (что указывает на вдохновение, поэтическое возбуждение и шаманский экстаз), от корня **wet-* (1) «дуть; вдохновлять, поднимать боевой дух» [56].

Для передачи имени *Odin* был использован устоявшийся в русском языке однозначный эквивалент *Óдин*, представляющий собой транслитерацию имени бога. Этот бог имеет множество имён, а также прозвища, восходящие к представлениям о его внешнем облике и деятельности. Передачи этих имён неоднородны. В случае наиболее традиционных и известных из них переводчик обращается к устоявшимся вариантам, используемых при переводе скандинавской мифологии, большинство из которых построено на транскрипции с элементами транслитерации. Прозвища, отражающие качества персонажа, также передаются устоявшимися вариантами, но в этом случае отражающими смысл оригинальных наименований, как, например, в следующих отрывках:

*“I told you I would tell you my names. This is what they call me. I am called **Glad-of-War, Grim, Raider, and Third. I am One-Eyed. I am called Highest, and True-Guesser. I am Grimnir, and I am the Hooded One. I am All-Father, and I am Gondlir Wand-Bearer. I have as many names as there are winds, as many titles as there are ways to die”**[66].*

В переводе: *Я же сказал, что назову тебе мои имена. Звался я **Грим**, звался я **Ганглери**, звался **Воумель**, и **Третий** я звался. Я – **Одноглазый**. Меня звать **Высокий и Знанием владеющий. Гримнир** – мне имя. Я – **Тот, кто из Тени. Я – Всеотец и с Посохом Гондлир**. Столько имен у меня, сколько ветров есть на свете, а званий – столько, сколько есть способов смерти [67].*

*“What do you want, **Votan**?” [66]*

В переводе: *Чего тебе надо, **Вотан**? [67]*

Glad-of-War – Ганглери – Glad-of-War – букв. «Радость от войны», «радующийся войне\битве». В переводе представлено другое имя *Óдина, Gangleri*, переданное устоявшимся эквивалентом, представляющим собой транслитерацию.

Grim – Грим – транслитерация, не передающая значения слова.

От староанглийского *grimm* «свирепый, жестокий, дикий, несущий боль, злой», из протогерманского **grimmaz* (от которого произошли древнесаксонское, Фризское, древневерхненемецкое *grimm* «злой, свирепый», общескандинавское *grimnr* «неумолимый, суровый, ужасный», шведское *grum* «суровый, яростный»), из праиндоевропейского **ghrem-* «злость». Возможно, возникло путём звукоподражания, имитирования грома и других подобных звуков (сравните греческое *khremizein* «ржать» старославянское *vuzgrimeti* «гремять», Russian *gremet'* «гремять») [57].

Raider – Воумель – смысловое развитие, буквальное значение «налётчик, грабитель», «тот, кто приходит куда-то и ворует вещи» [55].

Third – Третий – однозначный эквивалент порядкового числительного. Один в скандинавской мифологии - один из трёх богов-асов, братьев Óдина,

Вили и Ве. Неясно, почему его именуют «Третим», так как он является старшим из троих, то есть первым.

One-Eyed – Одноглазый – использование вариантного соответствия, морфологическая замена составного слова в форме составного причастия сложным прилагательным, обусловленная отсутствием соответствующего причастия в русском языке

Highest – Высоки – вариантное соответствие, морфологическая замена превосходной формы прилагательного на положительную. *Highest* буквально «самый высокий».

True-Guesser – Знанием владеющий – смысловое развитие, буквально «тот, кто угадывает истину». Синтаксическая замена. При передаче использован причастный оборот, наблюдается инверсия порядка слов.

Grimnir – Гримнир – транслитерация. Буквальное значение «скрывающийся под маской или капюшоном», имя Óдина, упомянутое в «Старшей Эдде» («речи Гримнира»)

Hooded One – Тот, кто из Тени – смысловое развитие, *Hooded One* буквально - «тот, кто в\под капюшоном». В мифологии Óдин нередко является в виде старика в капюшоне, скрывающем лицо. Возможно, при переводе предыдущего имени «*Grimnir*» была использована транслитерация, чтобы избежать повторов. Следует отметить что перевод, в большей степени, чем оригинал, связывает Среду и Тень, намекая на происхождение последнего.

All-Father – Всеотец – калька, ранее зафиксированная ранее в «Мифах народов мира».

Gondlir Wand-Bearer – с Посохом Гондлир – Gondlir – Гондлир – транскрипция, *Wand-Bearer – с Посохом* – синтаксическая замена, опущение (буквально «носитель посоха»), Замена составного слова словосочетанием, наблюдается инверсия, характерная для высокого стиля.

Votan – Вотан – использование устоявшегося в русском языке однозначного эквивалента, представляющего собой транслитерацию.

Слово «Среда» используется как однозначный эквивалент английскому “Wednesday”, названию дня недели. Тем не менее, поскольку мотивация названия дня недели в русскоязычной и англоязычной традиции различна, исходный смысл имени (Wednesday – день *Óдина*) полностью теряется. Переводчик, однако, пытается пояснить его.

“Well, seeing that today certainly is my day – why don’t you call me Wednesday? Mister Wednesday. Although given the weather, it might as well be Thursday, eh?” [66]

В переводе: *Ну, учитывая, что сегодня определенно мой день, почему бы тебе не называть меня Среда? Мистер Среда. Хотя, учитывая погоду, с тем же успехом мог быть Торгов четверг, а?* [67]

Однако выражение «Торгов четверг» (о Торе см. выше) не распространено среди русскоговорящего населения, как и «день *Óдина*», поэтому сложно сказать, насколько человеку, не знающему этимологии слова *Thursday*, можно понять авторский намёк. Скорее всего, он неочевиден и для не знакомых с германской и скандинавской мифологией англоговорящих читателей, а также, согласно задумке автора, главному герою, значения имён богов для которого раскрываются значительно позже, когда *Óдин* называет ему свои имена (см. выше).

“Ódin?” said Shadow, and the wind whipped the word from his lips [66].

В переводе:– *Óдин?* – спросил Тень, и ветер сорвал имя у него с губ [67].

Ещё один представитель скандинавской мифологии – трикстер и пересмешник *Локи*, божественный шутник, коварный и неумный, являющийся при этом побратимом самого *Óдина*. Образ *Локи* объединил в себе несколько гораздо более древних образов, мифологические сведения о нём несколько противоречивы [36, с. 126–131]. В романе он фигурирует под именем *Локи Злокозненный*. Он также называется не своим настоящим именем, а его «говорящей» формой:

Somewhere around the middle of year two he mentioned his theory to Low Key Lyesmith, his cellmate [66].

В переводе: *В середине второго года он изложил эту теорию своему сокамернику **Злокозны**. Кличка у того была Ловкий, но поскольку букву «в» он обычно не выговаривал, звучала она как «**Ло'кий**» [67].*

***Low-key** – «малозаметный», **Lyesmith** – искажённое написание *Lie-Smith*, что можно перевести как «кующий ложь» В данном случае переводчик самостоятельно создаёт искажённую форму имени, напоминающую русское слово, которое должно ассоциироваться с *ловким жуликом*, и даже дополнительно привносит в образ персонажа дефект речи, чтобы подчеркнуть созвучие, хотя это может выглядеть несколько избыточным. В случае с фамилией, однако, книжное слово «злокозненный» смотрится несколько неуместно, а выбранная форма создаёт у русскоязычного читателя ложную иллюзию западнославянского происхождения персонажа. Тем не менее, выбранное искажение имени достаточно созвучно с общепринятой формой, чтобы главный герой, произнеся имя вслух, догадался, кто перед ним:*

*“**Jesus. Low Key Lyesmith, said Shadow, and then he heard what he was saying and he understood. Loki” he said. Loki Lie-Smith**” [66].*

В переводе: *Господи. Ло'кий Злокозны, – сказал Тень, а потом услышал звук собственных слов и понял – Локи Злокозненный [67].*

Любопытной является ситуация со славянскими божествами, которых в романе представляют сёстры ***Зоря Утренняя, Зоря Вечерняя*** и ***Зоря Полуночная*** и братья ***Чернобог*** и ***Белобог***. В данном случае, переводчик воспроизводит оригинал транскрипции с элементами транслитерации, которую применил автор. Если для русскоязычного читателя, даже далёкого от славянской мифологии, мотивация имён очевидна, то для англоязычного она раскрывается лишь через многочисленные указания на время суток в связи с той или иной героиней и дуальность образов ***Чернобога*** (тьма, зло) и ***Белобога*** (свет, добро).

*Shadow, may I introduce you to the lovely **Miss Zorya Vechernyaya** [66].*

В переводе: *Тень, позволь представить тебе очаровательную **мисс Зорю Вечернюю** [67].*

Zorya Utrennyaya is awake, but our other sister is still asleep, so do not be making too much noise [66].

В переводе: *Зоря Утренняя уже проснулась, а третья наша сестра еще спит, так что не слишком шумите [67].*

And our sister, Zorya Polunochnaya, she can't tell no lies at all [66].

В переводе: *А наша сестра, Зоря Полночная, вообще не способна лгать [67].*

“An old friend, Czernobog. With an associate” [66].

В переводе: *Давний друг, Чернобог. С коллегой [67].*

“Speaking of Bielebog, have you heard anything from him?” [66].

В переводе: *Кстати, о Белобоге. От него не было известий? [67]*

Три сестры – персонифицированные в славянской, а также греческой и других мифологиях природные явления, по некоторым источникам, дочери Солнца, по другим – его сёстры. Существует четвёртая сестра, *Зоря Полуденная, Полуденница*, не упомянутая в романе. В русской традиции сестёр Зорей было 12, и у каждой было собственное европейское имя. Утренняя Заря считалась покровительницей утренних часов и сельских работ, *Вечерняя заря (Вечерница)* – покровительница сумерек и персонаж многих заговоров [43, с. 236–240]. В романе *Зоря Вечерняя* подрабатывает гаданием.

Чернобог (Czernebog, Zserneboch, в оригинале используется искажённая латинская передача) — в мифологии балтийских славян злой бог, приносящий несчастье, бог земли и преисподней. Представляет множество различных и противоречивых функций, из чего следует вывод, что **Чернобог** – образ собирательный. На это указывает и этимология имени. Чёрный цвет изначально ассоциировался не столько со злом, сколько с тёмным подземельем и подземным миром. Позже он стал символом зла и смерти, поскольку стало принято считать, что он исходит от смертоносного божества, обитающего в глубинах земли. Таким образом, **Чернобог** был связан с подземным миром, «миром под горой» [10, с. 188–191].

Белобог – бог удачи и счастья в западнославянской мифологии [30, с. 167]. Существование **Белобога** в мифологии на данный момент не подтверждено и не опровергнуто, однако в данном романе он фигурирует как брат Чернобога, а в конце романа как вторая его личность. Западноевропейский автор XII в. Гельмольд сообщает, что славяне поклонялись двум богам: «от одного ожидали они счастья, от другого – бедствий, и последнего называли **Чернобогом**, а первого **Белбогом**». Свет, то есть белый цвет, представлял собой атрибут огня и дня, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о связи между образами «благого бога дня и неба» и Белбога, огненного бога преисподней, из чего следует, что Белобог – также переосмысленный и собирательный образ. Всё вышеизложенное проливает свет на связь **Чернобога** и **Белобога** в романе [30, с. 625].

“Czernobog?” asked Shadow. Then, “Are you Czernobog?”

“Yes. For today”, said the old man. “By tomorrow, it will all be Bielebog. But today, is still Czernobog” [66].

В переводе:

– **Чернобог?** – позвал Тень. А потом: – Ты правда **Чернобог?**

В переводе:– *Сегодня да, – отозвался старик. – К завтрашнему дню тут будет только Белобог. Но сегодня все еще Чернобог* [67].

Полузооморфные боги Египта также активно принимают участие в повествовании и выступают под именами **Mr. Ibis** (мистер Ибис (Тот)) и **Mr. Jackal** (мистер Шакал (Анубис)) В данном случае в переводе использованы вариантные соответствия, представляющие собой наиболее распространённые в Египте названия животных, головы или облики которых имеют указанные божества. Массовые прилёты ибисов к разливу Нила, вероятно, послужили причиной наделения бога Тота этим образом. В романе мистер Ибис обычно выглядит как темнокожий человек, иногда отбрасывающий тень в виде птицы Ибис.

Тот – бог мудрости, счёта и письма, другой, менее распространённый вариант имени – **Джехути**. Изображался с головой ибиса и письменными

принадлежностями в руках. В романе он пишет книги. Ему принадлежала ведущая роль в погребальном ритуале, на суде *Осириса* он записывал результат взвешивания сердца [30, с. 521].

Шакал – всеядное животное, часть рациона которого составляет падаль, что и послужило причиной наделения бога смерти головой шакала. **Мистер Шакал** впервые показался главному герою в образе этого животного, и Тень принял его за собаку. эквивалентами.

Анубис – бог-покровитель умерших, бог царства мёртвых. Играет значительную роль в погребальном ритуале, готовит тело покойного к бальзамированию. Вместе с *Тотом* присутствует на суде *Осириса* [30, с. 89].

В загробном мире **Анубис** и **Тот** предстают в своём истинном облике, и носят свои египетские имена, переведённые однозначными эквивалентами.

В романе оба бога работают в погребальной конторе «Ибис и Шакал» и присутствуют на суде над Тенью в царстве мёртвых.

*“Give it to me”, said **Thoth**, the Ibis-headed god, and he took the heart in his hands, which were not human hands, and he glided forward.*

Anubis placed a pair of golden scales in front of him [66].

В переводе: – *Дай его мне, – сказал **Тот**, бог с головой ибиса, и, взяв сердце в руки, переставшие быть человеческими, скользнул с ним к **Анубису** [67].*

Примечательно, что «звериные» имена носят только **Тот** и **Анубис**, сохранившие человеческое обличие, в то время как **Баст** и **Гор**, практически всё время пребывающие в образе кошки и сокола, соответственно, называются своими подлинными, египетскими именами, сложившимися в переводческой традиции, русские аналоги которых представлены в переводе:

***Horus** is crazy, really bugfuck crazy, spends all his time as a hawk, eats roadkill, what kind of a life is that? You’ve seen **Bast** [66]. В переводе: **Гор** сошел с ума, он по-настоящему не в себе: все время проводит в облике сокола, питается падалью, которую сбили машины на трассе. Ну что это за жизнь? **Баст** ты видел [67].*

Гор (от hr – «высокий», «небо») – изначально бог охоты в образе сокола или с головой сокола, позже объединяет в себе других богов в образе сокола и становится богом света, борцом с силами мрака [30, с. 310]. При передаче имени с латинским суффиксом –us на русский язык этот суффикс принято опускать.

Баст – богиня радости и веселья в египетской мифологии. Изображается в виде женщины с головой кошки. Другая форма имени **Баст** в русском языке – **Бастет** [30, с. 163]. При переводе использовано вариантное соответствие.

Итак, мы рассмотрели способы передачи имён собственных, принадлежащих языческим богам скандинавского, славянского и египетского пантеонов на русский язык и определили следующие наиболее распространённые трансформации:

- 1) Однозначные эквиваленты имени божества, ранее зафиксированные в словарях и созданные с помощью транслитерации, – 7 примеров.
- 2) Слова, транслитерацию которых представил автор оригинала, – 5 примеров.
- 3) Ранее зафиксированные в словарях имена божеств, как вариантного соответствия – 4 примера.
- 4) Смысловое развитие – 4 примера.
- 5) Вариантное соответствие – 3 примера (Highest – Высокий).
- 6) Однозначный эквивалент – 2 примера (Third – Третий).
- 7) Калька – 1 пример.

1.3 Передача речевого портрета персонажа-бога в романе Н. Геймана «Американские боги»

Национальная принадлежность – центральная тема романа Н. Геймана «Американские боги», поскольку его основными персонажами являются иммигранты – американские версии богов, существующих в различных странах. Вопрос культурной самоидентификации (см. [12, с. 321–322]) обретает

особую актуальность в условиях глобализации современного мира. Помимо таких лексических единиц, как имена богов и названия различных явлений и артефактов, связанных с ними, гибридные явления [20] порождают особенности их речи. В этом отношении большой интерес представляют *Чернобог*, в оригинале изъясняющийся на ломаном английском с характерными ошибками носителя славянских языков. Также интерес представляют особенности речи ирландского лепрекона *Сумасшедшего Суини*, который в оригинале говорит с ирландским акцентом.

Божества, упомянутые в романе Н. Геймана «Американские боги», согласно авторской задумке поделены на старых и новых богов. Старые боги представлены многочисленными персонификациями богов, демонов и прочих мифологических существ из различных верований, которые существуют, пока люди продолжают в них верить. Новые боги являются воплощением явлений относительно современного мира, которым «поклоняются» люди в наши дни. Наибольший интерес для нас представляют Медия и Техномальчик – воплощения массовой коммуникации и новых технологий. Языковые личности нескольких персонажей романа являются предметом нашего исследования.

Речевой портрет является одной из ключевых составляющих персонажа, «воплощенной в речи языковой личностью» [25], поэтому его адекватная передача в переводе чрезвычайно важна. В данном случае мы имеем дело не с языковым портретом реальных личностей, но с речевым портретом персонажей, воплощающих представления автора о той или иной культуре и исторической эпохе. Речь божеств, изначально нечеловеческих существ, служащих персонификацией явления или идеи, в оригинале насыщена особенностями [19], подчёркивающими их сущность. Эти особенности можно поделить на лексические, грамматические, фонетические и стилистические.

Лексические особенности представляют собой употребление лексических единиц, связанных с идеей или явлением, которые выражает божество. Так, в речи *Зорей* (мифические существа славянского пантеона, подробнее см. [43, с. 236–245]) множество метафор и сравнений, связанных со

светом и временем суток, речь других божеств содержит много топонимов, относящихся к месту их происхождения. *Техномальчик*, в свою очередь, использует в речи избыточное количество терминов.

Грамматические особенности выражены, в первую очередь, отступлениями от грамматической нормы английского языка, характерными либо для представителей той или иной национальности, либо для более ранних этапов развития языка. В нашем дальнейшем исследовании [20] мы определили это явление как гибридность на уровне предложения.

Далее мы рассмотрим грамматические особенности речи *Чернобога и Зори Вечерней* (Восточно-славянское языческое божество, представленное в романе). Поскольку родной язык данного персонажа должен быть максимально близок к русскому языку, перевод его речи представляет для нас особый интерес.

*“I have a brother. **They say, you put us together, we are like one person, you know?** When we are young, his hair, it is very blond, very light, his eyes are blue, and people say, he is the good one. And my hair it is very dark, darker than yours even, and people say I am the rogue, **you know?** I am the bad one. And now time passes, and my hair is gray. His hair, too, I think, is gray. **And you look at us, you would not know who was light, who was dark**” [66].*

В переводе: *А у меня есть брат. Говорят, если сложить нас вместе, мы как один человек. Когда мы были молодые, волосы у него были светлые, очень светлые, и все говорили, он хороший. А у меня волосы были очень темные, даже темнее, чем у тебя, и все говорили, **мол, я дурной**. А теперь время прошло, и волосы у меня седые. И у него тоже, думаю, седые. И глядя на нас, **уже не разберешь, кто был светлый, кто был темный** [67].*

We come over here together, long time ago [66].

В переводе: *Мы приехали сюда вместе **давным-давно** [67].*

Характерно, что в англоязычном варианте Чернобог использует только самые простые грамматические времена. Также можно заметить, что грамматические конструкции предельно упрощены (*They say, you put us*

together, we are like one person), (And you look at us,). Его словарный запас достаточно беден, присутствуют слова-паразиты (*you know?*).

В русском переводе речь Чернобога значительно богаче и правильнее, хотя и остаётся достаточно простой. Все грамматические ошибки исчезли, настоящее время было заменено прошедшим там, где это уместно. Перевод пополнился просторечиями (мол, я дурной; уже не разберешь, давным-давно), аналогов которых не было в оригинале.

He don't want to see you. I don't want to see you neither. You bad news [66]. Грамматические ошибки, недопустимое для английского опущение глагола, достаточно бедный словарный запас

В переводе: – *Он не желает вас видеть. И я вас видеть не хочу. Вы прохвост и противный зануда* [67]. Словарный запас значительно богаче, последнее предложение изменено на всех уровнях, возможно, с целью подчеркнуть естественное владение русским языком.

“How do you do, Mr. Czernobog?”

“I do old. My guts ache, and my back hurts, and I cough my chest apart every morning” [66]. Нестандартный ответ на стандартное приветствие при знакомстве, игра слов.

В переводе: – *Как поживаете, мистер Чернобог?*[67]

– *Старый стал. Печенки болят, спину ломит, по утрам легкие выкашливаю* [67]. Переводчику не удалось в достаточной мере передать игру слов, возникшую в оригинале, поскольку русское «Как поживаете?» не является стандартным приветствием при знакомстве. Однако, дальнейший ответ Чернобога, с многочисленными выразительными просторечиями, выглядит очень удачно и хорошо характеризует персонажа.

Поскольку языковой портрет персонажа в оригинале был во многом построен на его недостаточном владении английским языком и характерных ошибках русскоговорящих, перед переводчиком стояла задача создать языковой портрет с нуля. «Ломаный английский» Чернобога не становится «ломаным русским» при переводе. Это кажется закономерным и правомерным

решением переводчика, поскольку славянское божество должно свободно говорить на русском языке. При этом речь персонажа характерно «рубленая», с элементами просторечий, что указывает на давность происхождения и низкое на текущий момент положение персонажа. В то время как в английском варианте *Чернобог* использует максимально простой и довольно неестественный английский язык, что отдаляет его от английской культуры и приближает к славянской, в русском варианте он, напротив, использует просторечия, которые делают его речь выразительнее. Этот зеркально противоположный приём служит той же цели, что и приём, использованный в оригинале – указать читателю на древнее славянское происхождение персонажа.

Далее мы рассмотрим гибридность с ирландской культурой. Взаимопроникновение между английским и ирландским языками достаточно высоко, в то время как русский язык не имеет с ирландским практически ничего общего. Это ставит перед переводчиком достаточно непростую задачу.

*“For the sheer unholy **fucken** delight of it. Can’t you feel the joy in your own veins, rising like the sap in the springtime?”* [66] Здесь и далее в своей речи *Сумасшедший Суини* использует нетрадиционную форму произношения слова *fucken*, что характерно для ирландцев. При этом он утверждает, что прожил в Америке слишком долго, и у него нет акцента.

В переводе: *«Ради настоящего, безбожного, **чертовского** удовольствия. Разве ты не чувствуешь, как радость поднимается в тебе, словно сок в деревьях весной?»* [67] В русском переводе данный элемент языкового портрета личности полностью теряется, поскольку русский язык не располагает ирландскими формами распространённых ругательств.

*Elm, **he do** brood*

*And oak, **he do** hate,*

But the willow-man goes walking,

If you stays out late [66].

Для корнуэльского диалекта английского языка характерно использование *do* вместо *does*, также *you stays* не характерно для литературного английского языка. В переводе:

*От Вяза – детишки на целый век,
От Дуба – жди-ка зла да беды,
Но Ивовый придет человек,
Коль выйдешь во тьме за порог – ты [67].*

Характерные особенности корнуэльского английского были полностью утрачены в русском переводе – сохранить такие особенности языка невозможно. Но, в данном случае, перевод стихотворения в принципе нельзя назвать удачным.

Анализируя данные примеры, можно прийти к выводу, что сохранение при переводе грамматически выраженной гибридности в языковом портрете персонажа невозможно. Однако языковой портрет можно компенсировать иными приёмами, что переводчик демонстрирует нам с переменным успехом.

Фонетические особенности преимущественно представлены комментарием фокального персонажа.

В тексте подчёркивается, что фокальный персонаж (тот, на чьё восприятие событий ориентируется читатель) Тень Мун слышит акцент, характерный для представителей различных народностей или же акцент, который он не в состоянии идентифицировать.

Her accent was thick, Eastern European, Shadow guessed [66].

В переводе:– *Говорила она с сильным восточно-европейским, на слух Тени, акцентом [67].*

She had a soft, Eastern European accent [66].

В переводе: *Говорила она мягко, с восточно-европейским акцентом [67].*

...his voice was rough and accented [66].

В переводе: *голос у него был хриплый, с сильным акцентом [67].*

His accent was Eastern European [66].

В переводе: *Акцент у него был восточно-европейский* [67].

She told them, in her mellifluous Cornish drawl [66].

В переводе: *Мелодично по-корнуэльски картавя и растягивая слова* [67].

“You don’t have an Irish accent” [66].

В переводе: – *У тебя нет ирландского акцента* [67].

...that voice even now, that sharp Yankee accent saying [66].

В переводе: *голос с резким акцентом янки говорит* [67].

Поскольку акцент не прописан в прямой речи персонажей, а только описан в косвенной, передача указания на этот акцент не представляет проблемы. Единственным затруднением может быть элементарное незнание русскоязычного получателя, как звучит тот или иной акцент, тем более в английском языке.

Стилистические особенности отражают манеру речи персонажей и представлены широко, от высокого стиля до просторечия. *Чернобог* говорит безграмотно и грубо, *мистер Среда* (воплощением *Одина* в романе) и *Билкис* (царица Савская) периодически используют высокий стиль, для *Хинцельмана* (очень древнее существо, на данный момент ближе всего к «хранителю места» – духу, обеспечивающему благополучие населённого пункта в обмен на жертвоприношения) характерна манера речи «деревенского старожила», речь *Медии* почти полностью состоит из медийных штампов.

“Lovely to see you” she said. “Now, you must be Czernobog. I’ve heard a lot about you. And you’re Anansi, always up to mischief, eh? You jolly old man. And you, you must be Shadow. You’ve certainly led us a merry chase, haven’t you?” [66]

В переводе: – *Рада вас видеть, – сказала она. – Вы, наверное, Чернобог. Я так много о вас слышала. А вы, должно быть, Ананси, всегда готовы на проделки, а? А это Тень. Вот уж кто заставил нас побегать, а?* [67]

Media said, *“In a world where people die every day, I think the important thing to remember is that for each moment of sorrow we get when people leave this world there’s a corresponding moment of joy when a new baby comes into this world. That*

*first wail is – well, it’s magic, isn’t it? Perhaps it’s a hard thing to say, but **joy and sorrow are like milk and cookies. That’s how well they go together. I think we should all take a moment to meditate on that***” [66].

В переводе: *В мире, где каждый день умирают десятки людей, – взяла слово Медия, – нам нужно помнить, что на каждое мгновение горя, когда из этой жизни уходит человек, приходится мгновение радости, когда на свет рождается дитя. И его первый крик... это волшебство, ведь так? **Может, я скажу жестокую вещь, но горе и радость – это как молоко и печенье. Не бывает горя без радости, как не бывает молока без печенья. Думаю, в это мгновение нам следует задуматься над этим*** [67].

Как в оригинале, так и в переводе, речь Медии полностью состоит из публицистических штампов. Она насыщена риторическими вопросами и обращениями, избитыми и неуместными метафорами.

Речь *Техномальчика* богата терминами:

*Tell him that we have fucking reprogrammed reality. Tell him **that language is a virus and that religion is an operating system and that prayers are just so much fucking spam*** [66].

В переводе: – *Передай ему, **мы сейчас перепрограммируем реальность. Скажи ему, что язык – это вирус, религия – операционная система, а молитвы – дешевый спам*** [67].

*“You should know that if we do fucking kill you, then we’ll just **delete** you. You got that? **One click and you’re overwritten with random ones and zeros. Undelete is not an option**”* [66].

В переводе: *Да будет тебе известно, если мы тебя не убьем, мы просто тебя **потрем**. Сечешь? **Один клик, и вот ты уже записан случайными единицами и нулями. И опция «восстановить» не предусмотрена*** [67].

*“You – you’re a **fucking illuminated Gothic black-letter manuscript. You couldn’t be hypertext if you tried. I’m...I’m synaptic, while, while you’re synoptic...**”* [66]

В переводе: Ты, *черт побери, черно-белая рукопись с картинками, шрифт тру-тайп готика. Сколько не пытайся, тебе гипертекстом не стать. А я... Я – синапсис, тогда как ты синопсис...*[67]

Речь *Техномальчика* очень специфична. В оригинале и в переводе присутствует множество терминов и основанных на них метафор. Создаётся впечатление, что подобные метафоры – единственная доступная для *Техномальчика* форма речи. Перевод прекрасно передаёт эту особенность речи персонажа, однако с однотипными «мусорными» ругательствами оригинала возникают проблемы. Если в речи более древних существ традиционное для перевода *fucking* «*чёрт побери*» выглядит уместно, то в речи современного персонажа куда более органично смотрелся бы эвфемизм «*блин*» (поскольку его аналог слишком табуирован в русской письменной речи, чтобы его использовать).

Для создания речевого портрета **Чернобога** применялись иные средства:

“Fuck you”, said Czernobog. “Fuck you and fuck your mother and fuck the fucking horse you fucking rode in on. You will not even die in battle. No warrior will taste your blood. No one alive will take your life. You will die a soft, poor death. You will die with a kiss on your lips and a lie in your heart” [66].

В переводе: – *А пошел ты! – взорвался Чернобог. – Имел я тебя и твою мать, и твою сраную лошадь, на которой ты, придурок, приехал. Ни один воин не отведаст твоей крови. Ни один живой не возьмет твою жизнь. Ты умрешь мягкой, жалкой смертью. Ты умрешь с поцелуем на губах и ложью в сердце* [67].

Согласно многим языческим верованиям, только смерть в бою обеспечивает благополучное «постсмертие». Проклятие *Чернобога* явно стилизовано под древнее. Эту древность подчёркивает даже такой простой элемент, как упоминание лошади, которой у представителя современного мира не было. Это часть проклятия передана вполне успешно, выражения «*жалкая смерть*», «*с поцелуем на губах и ложью в сердце*» вызывает у реципиента – нашего современника – достаточно яркие эмоции и правильные ассоциации.

«Пошёл ты», «сраный» и «придурак» являются уместными и адекватными вариантами перевода *fuck* и всех его производных, чего, к сожалению, нельзя сказать про «имел». Это неестественное, не употребляемое в реальной жизни ругательство проникло в русский язык путём попыток перевода английского *fuck* без употребления табуированной лексики в тех ситуациях, когда значение «вступал в половой контакт» не может быть опущено.

На основе представленных выше примеров можно сделать вывод о том, что стилистические характеристики языкового портрета прекрасно передаются в тексте перевода, за исключением тех случаев, когда исторически сложившиеся традиции делают лексику определённого значения в одном языке более табуированной, чем в другом языке.

Также гибридность между культурами наблюдается на более глубоких уровнях – уровне предложения и уровне смысла. В романе подробно описывается обряд жертвоприношения *Чернобогу*, путешествие *Солнца* («нашего отца», по словам *Зори Полночной*) по небу, многочисленных упоминаний Солнца «лепреконом» *Сумасшедшим Суини*, особенностями поведения *Тота* и *Анубиса*, и прочих, что можно отнести к гибридности на уровне смысла. Помимо этого, вышеописанные герои наделены многими качествами, характерными для эмигрантов в США (не самой благополучной их категории, учитывая особенности жизни персонажей). Тем не менее, герои не представлены в подчёркнуто стереотипном или пародийном виде. Образы героев достаточно хорошо проработаны, многогранны и неоднозначны, что демонстрирует принятие американской культурой многочисленных эмигрантов и достаточное взаимопроникновение между культурами.

1.4 Стилистические приёмы, основанные на религиозной лексике, в газетной статье

В статье „Gottes unheimliche Macht“ [65] («Невероятная сила Господа» [64]) также использованы различные стилистические приёмы, основанные на

религиозной лексике. Поскольку в статье речь идёт о современных событиях, автор широко использует лексику, принадлежащую к существующим в настоящее время мировым религиям, таким, как Христианство (различные конфессии), Ислам и Иудаизм. Во второй части нашей работы мы более подробно остановимся на основном стилистическом приёме автора, сейчас же уделим внимание отдельным примерам иронии.

Сначала мы рассмотрим описываемый автором эпизод, в котором религиозная традиция демонстрируется автором с иронически-негативной окраской.

Ted Cruz steht regelmäßig auf der Bühne, greift seine Unterstützer an den Händen und schließt die Augen, um publikumswirksam zu beten [65].

В переводе: *Тед Круз регулярно появляется на сцене, касается своих сторонников руками и закрывает глаза, чтобы помолиться на публику* [64].

В данном случае автор оригинала ссылается на католическую традицию братья за руки при молитве, образуя круг. Логично предположить, что целевым реципиентом текста перевода являются достаточно эрудированные люди, способные понять отсылку, несмотря на недостаточное распространение католицизма на территории РФ. Однако анализируя перевод, можно прийти к выводу, что переводчик явно не осведомлён об этой традиции, поскольку использованное «*касается своих сторонников руками*» совершенно не передаёт исходного смысла и вызывает ощущение *неясности*. Мы считаем, что вариант «*то и дело хватает своих сторонников за руки*» лучше передаёт авторский замысел. В то же время использование устоявшегося сочетания «*закатывает глаза*» с явно негативной коннотацией в полной мере передаёт отношение автора текста оригинала к действиям данного политика, несмотря на то, что в оригинале было использовано нейтральное «*закрывать*». Далее в тексте оригинала следует отсылка к тексту евангелия от Матфея «*И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою*» (Матф. 6:5). Можно сказать, что

переводчик справился с задачей создания негативного образа, поскольку даже для не знакомого с вышеуказанной цитатой человека выражение «*делать что-либо на публику*» звучит как нечто негативное.

Далее в тексте следует обыгрывание ещё одной цитаты, на этот раз из молитвы, которое, к сожалению, не нашло должного отражения в переводе:

*Und selbst Donald Trump, der zwei Scheidungen hinter sich hat, der viermal Bankrott ging und **auf Erden** eine Sprache pflegt, **die im Himmel** sicher auf dem Index stünde, hat sich vor Kurzem in Texas das Gelübde abnehmen lassen, seinen Wahlkampf **nach christlichen Werten auszurichten** [65].*

В переводе: *И даже Дональд Трамп (Donald Trump), у которого за плечами два развода, который четырежды становился банкротом и использует лексику, которая **на небесах явно не в почете**, недавно отметил в Техасе, что в своей кампании **руководствуется христианскими ценностями** [64].*

В данном случае автор апеллирует к древнейшей, предшествующей Христианству оппозиции Земля – Небеса, нашедшей отражение, в том числе, в молитве «Отче наш» («*Яко на небеси и на земле*»). Переводчик грамотно употребил слово «Небеса», однако по неизвестным причинам опустил первую часть вышеупомянутой оппозиции. Можно предположить, что он не счёл её принципиальной (что не верно), либо столкнулся с трудностью выражения, поскольку форма молитвы «Отче наш» в немецком языке значительно ближе к разговорному языку, чем в русском. Более того, немецкому, как и английскому языку на современном этапе свойственно более частое употребление наиболее распространённых цитат священного писания. Это во многом объясняется продолжительным периодом коммунизма и атеизма в СССР, а также бóльшей открытостью как римско-католической, так и протестантской церкви по сравнению с русской православной церковью. В обоих приведённых выше случаях мы сталкиваемся с отсутствием в языке перевода аналога «общего места» языка оригинала.

Однако в некоторых случаях переводчику удаётся великолепно передать авторский замысел, используя общие места и устоявшиеся выражения, как например, в эпизоде, приведённом ниже.

*Zugleich hat der IS mehr als 20000 Ausländer angeworben, mit einer kruden Mischung aus **weltlichen Verheißungen** – Geld, Autos, Frauen – und Trost für gescheiterte Existenzen aus Europa [65].*

В переводе: *В то же время ИГ привлек на свою сторону более 20 тысяч иностранцев, пообещав им «манну небесную» в виде денег, автомобилей, женщин и утешения после краха, который они потерпели в Европе [64].*

В данном случае мы наблюдаем интереснейший случай смыслового развития. Рассмотрим подробнее оригинал:

Verheißен – voraussagen, versprechen, относящегося к возвышенному стилю и имеет значение ernsthafte, feierliche Ankündigung von etwas Bedeutsamem. Представлено в устоявшемся сочетании Land der Verheißung «обетованная земля».

Обетованная земля – Палестина, в которую, согласно Ветхому Завету, Моисей должен был привести евреев из Египта.

Weltlich – der (diesseitigen, irdischen) Welt angehörend, nicht geistlich, nicht kirchlich.

Weltliche Verheißung – буквально «мирские обетования», иначе – «блага земные», однако, переводчик использовал устоявшееся выражение «манна небесная» – с нетерпением ожидаемое, крайне необходимое. Это образное выражение также происходит из Ветхого Завета, где манна описывается как «нечто мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле (Чис 11); как кориандровое семя, белая, вкусом же как лепешка с медом (Чис 11, 7 Прем 16, 20)». В настоящее время выражение имеет значение «С нетерпением ожидаемое, крайне необходимое», что в высшей степени соответствует авторскому замыслу. Более того, поскольку выражение также имеет прямое отношение к странствиям Моисея в пустыне, оно также помогает сохранить

стиль текста оригинала. На данном примере мы можем наблюдать, как эрудиция переводчика помогла ему осуществить трансформацию.

В результате исследования мы можем представить следующие выводы по 1-й части:

1. Религиозная лексика широко используется для создания различных художественных приёмов, в частности, для создания «говорящих» имён и речевого портрета персонажа и переводчику необходимо обладать достаточной эрудицией, чтобы как понять, так и адекватно передать авторский замысел.

2. Оказиональные варианты перевода и умение импровизировать при переводе средств выразительности и художественных приёмов способствуют лучшей передаче авторского замысла.

3. В некоторых случаях художественные приёмы перевода и оригинала, служащие одной цели, могут быть прямо противоположными, как в случае, когда недостаточное владение английским языком было передано хорошим владением русским языком. Вероятно, в аналогичной ситуации с другой парой языков при переводе должны произойти такие же процессы.

2 Религиозная лексика с позиции когнитивной лингвистики

2.1 Понятие межкультурной коммуникации

В нашем исследовании мы встретились с репрезентацией представителей различных этносов в художественных и публицистических произведениях. Мы считаем, что данное явление может быть отнесено к межкультурной коммуникации (далее МКК). Помимо этого мы полагаем, что наше исследование представляет определённую ценность для этой отрасли гуманитарного знания. Как было сказано выше, религия тесно связана с национальной идентичностью, и корректная передача религиозной лексики при переводе обеспечивает успех межкультурной коммуникации. В связи с этим мы решили подробнее рассмотреть исследования учёных в этой области.

МКК изучает особенности общения между представителями различных культур. Коммуникации такого типа свойственно множество особенностей, знание и понимание которых имеют ключевое значение для успешности подобных коммуникаций. Поскольку контакты между представителями различных культур в настоящее время определяют успешность экономики и политики, данная дисциплина чрезвычайно важна для любой развитой страны. МКК изучается с точки зрения различных наук. Культурологи рассматривают её как диалог культур и общественных формаций, которым они принадлежат [28]. В настоящее время лингвисты также интересуются особенностями МКК и её проявлениями в языке. Антропоцентризм современной науки требует от учёных уделять больше внимания человеку как участнику всех процессов.

Безусловно, компетенция в области межкультурной коммуникации является необходимой для переводчика. Обладая не только знаниями языка, но и представлениями об особенностях различных культур, переводчик сможет грамотно выстроить коммуникацию между представителями многих культур, помогая им понять друг друга и сглаживая неизменно возникающие острые углы. При переводе письменных текстов, в частности, художественных и публицистических, на переводчике лежит не менее сложная задача – донести до

представителя одной культуры идеи носителя другой таким образом, чтобы он мог понять и осознать их.

При межкультурной коммуникации язык «обращается в область иноязычной культуры» [16, с. 418]. Религия имеет важнейшее значение для национальной идентичности этносов. Начиная с первобытных времён, когда первые примитивные верования определяли происхождение племени, и заканчивая современностью, в которой религиозно-культурные традиции всё ещё во многом определяют жизнь даже светских государств. Стоит упомянуть консолидирующую функцию мировых, преимущественно монотеистических религий, которые способствовали формированию государственности на протяжении многих столетий. Столь долгая история способствовала формированию глубинной связи религии и стиля жизни. Можно сказать, что они взаимно определяли и формировали друг друга. Культура, отделившись от религии, продолжает во многом опираться на неё. Таким образом, религия во многом продолжает определять многие особенности народа с точки зрения характеристик межкультурных коммуникаций, например, таких как коллективизм и индивидуализм. Российской культуре свойственны высокие показатели коллективизма, что во многом обусловлено православными традициями, «соборностью», всеобщим равенством перед богом, характером церковных служб. Коллективное участие в богослужениях, церковных обрядах и праздниках, изначальная цель христианства на Руси – сплотить разобщённые племена – всё это способствовало усилению коллективизма. В свою очередь, США и Великобритания, Германия характеризуются ярко выраженным индивидуализмом. Протестантизм, отделившийся от Римско-католической церкви, стремящийся к независимости, требующий от каждого человека личных заслуг перед богом, отрицающий необходимость священнослужителя для диалога с богом, также развивает индивидуализм.

В языке религия также занимает значительную нишу. Это религиозная лексика, представленная номинациями богов, полубогов, героев, святых, видовыми названиями вымышленных антропоморфных и зооморфных существ,

топонимами вымышленных локаций, названиями обрядов и чинов священнослужителей и многочисленных смежных профессий (напр., иконописец), определениями паствы, неверных, а также такими сугубо религиозными понятиями, как грех, молитва и проч., названиями элементов религиозной архитектуры и многого другого. Помимо лексических единиц существуют религиозные тексты, молитвы, а также тексты, созданные на их основе или с их использованием. Представители различных культур не только говорят на разных языках, но и исповедуют различные религии, поэтому не во всех языках существуют эквиваленты или хотя бы вариантные соответствия для той или иной религиозной лексики. Это создаёт переводческие проблемы и вызывает затруднение в межкультурной коммуникации. Для максимального избегания подобных проблем переводчику необходимо досконально знать особенности религии и культуры всех стран, на языках которых он осуществляет перевод, и в достаточной мере владеть всеми видами переводческих трансформаций, поскольку в большинстве случаев эквиваленты будут отсутствовать. В практической части главы мы рассмотрим примеры удачных и неудачных переводов религиозной лексики, покажем, к чему может привести незнание переводчиком тех или иных религиозных понятий, и укажем, какой, на наш взгляд, стратегии должен следовать переводчик.

В наше время развития информационных технологий и всеобщей глобализации множество значимых и проходных текстов на иностранном языке быстро становятся достоянием мировой общественности. Обмен информацией, обмен культурами, безусловно, связан со всеми особенностями, присущими МКК. При этом неизбежны трудности и конфликты, грамотное и своевременное решение которых способствует улучшению взаимоотношений между странами. Мы считаем, что задача переводчика в этой ситуации – действовать с максимальным пониманием тонкостей различных культур и уважением к ним. Процесс глобализации нередко заставляет людей и народы либо искусственно обособлять свою культуру – в переводе это проявляется излишней адаптацией, внутренней цензурой, недопустимыми изменениями

оригинала, либо, напротив, излишне стремиться попасть в «плавильный котёл», что выражается чрезмерной форенизацией, избытком транслитерации, отсутствием примечаний, связанных с особенностями иной культуры, порождённой ложной уверенностью переводчика в осведомлённости реципиента. Мы считаем, что переводчику следует придерживаться сложного, но сбалансированного пути компромисса между этими стратегиями. «Закрытие» своей культуры в условиях глобализации может привести к непредсказуемым и опасным последствиям. Усиление оппозиции «свой – чужой» по отношению к культурно-закрытой стране (и внутри неё по отношению к остальному миру) ведёт к непониманиям, которые могут перерасти в конфликты межнационального масштаба. Однако противоположная стратегия чревата риском утраты собственной национальной идентичности. Прежние достижения культуры будут потеряны как для самих её носителей, так и для всего мира, а современные представители этой культуры испытают трудности при определении собственной идентичности, поскольку не будут принадлежать ни к своей прежней культуре, ни к тем, что поглотили её. Таким образом, на переводчиках лежит ответственная задача, от которой зависит будущее как отдельных культур, так и всеобщей культуры человечества. Поскольку не всё зависит непосредственно от переводчиков, мы призываем заказчиков перевода, специалистов по межкультурной коммуникации и прочих ответственных лиц обеспечить переводчикам возможность действовать в рамках этой наиболее выигрышной, но и наиболее сложной в осуществлении стратегией.

О влиянии глобализации на культуру говорят многие исследователи. Б. Р. Могилевич, в частности, описывает такие составляющие глобальной культуры, как Давосская культура (представленная, в основном, экономической и технической элитой), Глобальная интеллектуальная культура (научное сообщество, не ограниченное пределами одной страны), клубная культура (общие представления об образе жизни и межчеловеческих отношениях) [31]. Для нашего исследования особый интерес представляют

массовая и религиозная культура в силу их наиболее тесной связи с языком, в частности, с литературным языком и письменной речью.

Массовую культуру представляет Hollywood и другие киностудии, а также некоторые книги и компьютерные игры. Все они являются художественными произведениями, вербальный текст которых оказывает непосредственное воздействие на речь людей по всему земному шару. Из произведений массовой культуры заимствуются образные выражения, они также способствуют формированию неологизмов и окказионализмов. Успех произведения массовой культуры во многом зависит от качества его локального перевода. Если переводчику удастся удачно передать ту или иную фразу, она может войти в обиход, стать фразеологизмом, «мемом». В случае же переводческой неудачи произведение не войдёт в локальную культуру и лингвокультуру.

О связи языка и религии подробно сказано в разделе «Религиозная картина мира». Отметим, что религия во многом представляет собой более древний аналог массовой культуры, объединяя людей, живущих в различных областях земного шара, создавая общие места в разговоре и способствуя унификации мышления. Религиозные тексты оказали огромное влияние на литературную традицию большинства стран и продолжают находить отражение в современной массовой культуре. Культуроносные концепты различных народов также во многом определяются религиозной традицией и оказывают влияние на особенности межкультурной коммуникации. Изучая религиозную лексику, мы рассмотрели такие концепты с этимологической точки зрения, провели сравнительный анализ их информационных полей и указали на трудности, которые могут возникнуть при их передаче на другом языке.

Мухамеджанова Н. М. в своей статье «Межкультурные коммуникации в условиях глобализации» подробно описывает различные пути глобализации культуры (глокализацию, гибридизацию и макдональдизацию), отмечая, что все они существуют параллельно [32].

Глокализация, согласно теории Р. Робертсона, это тенденция, при которой глобализация в одних областях провоцирует локализацию и рост культурного разнообразия в других [50]. Эта теория описывает и объясняет повышенный интерес к национальной культуре, возникший в конце XX века и продолжающийся активно развиваться в наше время. Результатом этого процесса является, в частности, анализируемый нами в практической части роман Н. Геймана «Американские боги», где широко представлены и подробно описаны представители различных культур.

Концепция гибридизации, разработанная Я. Питерсом, может рассматриваться как дополнение к теории глокализации. Концепция описывает смешение глобальной и локальной культуры, взаимопроникновение между ними. Проникая во все уголки земного шара, глобальная массовая культура неизбежно адаптируется под влиянием местных традиций. В зависимости от качества получившегося гибрида данную тенденцию можно трактовать как положительно, так и отрицательно. А. А. Зиновьев и А. С. Параньев считают, что заимствованные идеи, вырванные из родной среды без «корня», в принимающей культуре могут обретать уродливые, разрушительные формы, при этом подавляя местные основы мировоззрения. С другой стороны, нельзя отрицать, что гибрид может быть и успешным, полезным для общества.

Проводя наше исследование, мы уделили много внимания гибридности в языке и переводу гибридных текстов. Гибридизация в языке, как и в других областях, может иметь различные последствия. Заимствования могут обогатить язык, привнести в него не только новые слова, но и новые идеи, даже новые концепты, отвечающие тенденциям развития современного общества. С другой стороны, слишком большое количество языковых заимствований вызывает у носителей языка беспокойство, обусловленное страхом потери национального самосознания. Многие находят сленг, сформировавшийся на основе заимствований, чрезвычайно неблагозвучным, непонятным и уродующим язык. Однако существуют и исследователи, которые утверждают, что язык – саморегулирующаяся система, не нуждающаяся в искусственной защите. В

качестве примера нередко приводится английский язык, целые пласты лексики которого заимствованы. Таким образом, однозначного мнения о гибридизации в языке не существует. Однако гибридный текст, который мы исследуем, отличается от гибридной лексики. В случае, если мы говорим о гибридности между культурами, гибридный текст создается с целью дать реципиенту-носителю представление о других культурах путём демонстрации характерных им признаков, описанных языковыми средствами. В случае если это художественный текст, автор может намеренно использовать лексику, незнакомую среднестатистическому реципиенту для создания художественного эффекта. Намеренно-гибридный текст не обладает теми отрицательными свойствами, какими могут обладать слова-гибриды или идеи-гибриды.

Макдональдизация [60, с. 497–506] как один из эффектов глобализации, представляющей собой унификацию процессов и благ, общедоступность и снижение качества продуктов, требует отдельного исследования с точки зрения культуры и языка, поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом явлении.

Глобализации традиционно противопоставляется этноцентризм. Как уже было сказано выше, каждая культура так или иначе сопротивляется глобализации, естественно реагируя на попытку «завоевать» территорию. Т. И. Пашукова утверждает, что культура по природе своей этноцентрична [34]. Согласно У. Г. Самнеру, каждая этническая группа считает себя референтной по отношению к иным группам [33]. Это проявляется в тенденции сравнивать любые иные культуры с собственной, считая её «мерой всех вещей». Нередко это сочетается с признанием превосходства своей культуры над иными. Также этноцентризм тесно связан с конфликтом «свой - чужой», противопоставлением положительного «мы-общества» отрицательному «они-обществу». Подобное сочетание традиционно может вести к межнациональным конфликтам различного масштаба, поэтому современные исследователи считают своей задачей не только определение причин этноцентризма и факторов его повышения или ослабления, но и поиск путей его снижения до безопасного

уровня [33]. Согласно гипотезе М. Дойча и М. Коллинза, снижению враждебности между группами способствует учащение контактов между их представителями, при условии, что они равны в основных гражданских правах [51].

Поскольку самосознание человека как представителя того или иного этноса во многом определяется его родным языком и религией, к которой он себя относит, мы считаем, что рассмотрение феномена этноцентризма входит в область нашего исследования. Миф, а вслед за ним и религия многие столетия служили основой национального самосознания. Отдельные проявления этой тенденции мы продолжаем наблюдать в современном мире, причём существуют как крайне положительные следствия консолидирующей силы религии (трудовая аскеза протестантизма как одна из причин экономического успеха США), так и крайне отрицательные (использование искажённых идей Ислама как основы для терроризма). В современном обществе человеку, имеющему доступ к огромным объёмам информации, следует иметь достаточно ясное представление о различной религиозной лексике, чтобы, с одной стороны, не позволить ввести себя в заблуждение, с другой – не допустить, чтобы его невежество послужило причиной развития деструктивной ксенофобии. Предубеждение против речи на иностранном языке остаётся распространённым явлением в современном обществе, несмотря на активное освоение людьми мировых языков. Это – древнее явление, базирующееся на страхе неизвестности, порождающем страх быть обманутым, введённым в заблуждение, что является одним из многочисленных затруднений межкультурной коммуникации. В этом отношении переводчик служит «защитником» коммуникантов, источником истины, однако его восприятие в обществе остаётся двояким. Проблема недоверия к переводчику в современном мире во многом обусловлена всеобщим, но недостаточным владением иностранным языком, которое порождает сомнение в правдивости текста перевода. Другая причина подобного недоверия – незнание среднестатистического реципиента с переводческими трансформациями и

агрессивное желание получить текст, переведённый «слово-в-слово». В нашей работе мы приводим успешные примеры переводческих трансформаций и неудачные примеры их отсутствия, и надеемся, что это продемонстрирует, насколько важно для переводчика иметь специальное образование и применять полученные знания на практике.

2.2 Понятие концепта

В ходе исследования мы столкнулись с такой переводческой проблемой, как несоответствие концептов, стоящих за понятием, в лингвокультурах языков оригинала и перевода. В связи с этим мы решили подробнее рассмотреть понятие концепта в лингвистике.

Можно сказать, что предпосылкой идеи концепта была книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём», определяющая метафору как основной механизм мышления [27]. Авторы утверждают, что концептуальные метафоры во многом определяют, моделируют наш образ мыслей, восприятие действительности и поведение [23, с. 26].

В российской науке понятие «концепт» впервые употребил С. А. Аскольдов-Алексеев в 1928 г. Более широко оно вошло в отечественную лингвистическую науку в 1990-х годах, вытеснив собой такие понятия, как «лингвокультурема», «логоэпистема» и «мифологема». Оно широко употреблялось в трудах Д. С. Лихачева и Ю. С. Степанова. Согласно Ю. С. Степанову, концепт представляет собой не слово, а всю совокупность значений, которые оно кодирует, «пучок» представлений, понятий, знаний и воображений, которым сопровождается слово, «сгусток культуры» [40, с. 14]. Помимо этого он даёт более строгое определение: «Концепт – идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия» [40, с. 824]. В настоящее время в России существует несколько научных школ, специализирующихся в когнитологии.

Далее мы приведём несколько определений концепта, описывающих его с различных точек зрения. Концепт – мыслительная категория, поэтому его толкование может быть достаточно широким [37].

«Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [21, с. 91–92].

Концепт – мыслительная категория. Опираясь различными концептами, мы формируем представления о новых явлениях, переосмысливаем действительность и создаём что-то новое.

С. Г. Воркачев определяет концепт как отдельный предмет коллективного сознания, направляющий к высшим сущностям, имеющий выражение в языке и отмеченный этнокультурным свойством [9].

О неразрывной связи концепта с коллективным сознанием говорит и Ж. Вардзелашвили, утверждая, что концепты «конденсируют коллективное сознание, выступая в качестве дискретной единицы, «которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [6, с. 39–45].

А. А. Залевская, в отличие от других исследователей, подчеркивает индивидуальную природу концепта - «многомерной симультанной структуры». Она утверждает, что концепт – это достояние индивида [11, с. 36–44]. Её мнение связано с индивидуальностью восприятия людьми того или иного явления действительности. Эта точка зрения во многом правдива, однако стоит отметить, что, несмотря на многочисленные различия, большинство людей способны понимать друг друга благодаря некой общности в понимании мира, разделённым идеям. Таким образом, можно утверждать, что не существует противоречия между пониманием концепта как индивидуального либо коллективного явления. Напротив, они взаимно дополняют друг друга, поскольку каждый человек, являясь носителем языка, одновременно пользуется системой и совершенствует её, привнося что-то новое.

Каждое общество обладает собственными концептами, структура которых обусловлена географическими, историческими, социальными и иными факторами. Исходя из последнего, концепт – национальное явление. Помимо того, что номинативные единицы, определяющие концепт и входящие в его поле, существуют на различных языках, они также формируются в различных обществах, плотно сливаясь с национальным сознанием и определяя его.

Согласно большинству исследователей, концепт обладает определённой структурой. Выделяя такие понятия, как полевая модель концепта, базовый слой, ядро, периферия, интерпретационное поле концепта, концепт-облако и др., учёные переносят на ментальную сущность свойства материального объекта. Считается, что концепт состоит из ядра и информационного поля. Ядро концепта определяется его чувственными характеристиками, доступными через обыденное познание. Информационное поле состоит из различных значений, которые концепт приобретает в процессе своего существования. По мнению И. А. Стернина, ядро концепта окружают когнитивные слои, которые отражают этапы развития концепта и его взаимодействие с другими концептами. Все эти факторы превращают концепт в факт культуры [40, с. 41].

Как и большинство исследователей, мы придерживаемся мнения, что любой концепт, проникая в различные сферы, обогащается новыми смыслами, которые распространены именно в этих сферах. Через концепт осуществляется взаимопроникновение между различными видами деятельности, отраслями знаний и эмоциональными состояниями. «Коснувшись» однажды того или иного концепта, сознание постепенно охватывает все его составляющие.

С точки зрения лингвистики, концепт позволяет объединить различную лексику по принципу принадлежности к информационному полю определённого концепта. Примечательно, что лексика самых различных слоёв употребления и широкой палитры оттенков значения в совокупности составляет весь спектр представлений людей об объекте или явлении окружающей действительности. В диахроническом аспекте ни одно слово из информационного поля концепта не может быть утрачено. Часть слов и

значений может отойти на второй план, потерять свою первостепенность, но при этом они всё равно остаются в информационном поле и могут возникнуть при необходимости. В синхронном аспекте составляющие информационного поля ещё более тесно переплетены между собой.

Важнейшей характеристикой концепта является ценностная характеристика. Согласно Н. Д. Арутюновой, лишь те явления реальной действительности, которые становятся объектом оценки, могут стать базой для образования концепта [1].

З. Х. Бижева полагает, что одной из характеристик концепта является встроенность в систему составляющих той или иной культуры [5]. Комплекс взаимосвязанных концептов, сложившихся в той или иной культуре, представляет собой концептосферу (термин Д. С. Лихачева).

«Концепты – своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные идеализированные формообразования, базис» [26, с. 18].

По мнению Г. В. Токарева, концепту присуща обусловленность культурно-историческими событиями [42, с. 15]. В. А. Маслова также указывает на то, что ключевые концепты культуры занимают важное место в языковом сознании народа [29, с. 51]. О связи концепта с культурой говорит и Н. Д. Арутюнова, утверждая, что концепт возникает в результате взаимодействия национальной традиции и фольклора, религии и идеологии, жизненного опыта и образов искусств, ощущений и системы ценностей [1]. Ещё Вингельм фон Гумбольдт говорил о языке, как о духе народа, сохраняющем и передающем его сущность.

Таким образом, все исследователи сходятся во мнении, что концепт – явление культуры, одна из ключевых её составляющих. Можно сказать, что концепты формируют культуру, а культура, в свою очередь, формирует концепты.

Г. В. Токарев описывает концепт как исторически развивающийся элемент концептосферы [42, с. 15]. Совокупность концептов формирует

концептосферу, которая в совокупности составляет картину мира. Картина мира – широкое понятие, свойственное как отдельным индивидуумам, так и целым этносам.

Это подводит нас к проблеме непереводаемости, возникающей в ситуации, когда характеристики концепта в одной культуре значительно расходятся с таковыми в иной культуре. В этом случае ни одно из существующих вариантных соответствий не будет в полной мере отражать мысли автора текста оригинала, поскольку в культуре языка перевода все они обладают иным информационным полем. В особенности подобной угрозе подвержены концепты, отсутствующие в языке перевода в силу исторических и географических факторов, концепты с противоположным или просто значительно отличающимся информационным полем, наконец, культуруносные концепты.

Например, концепт «метель», достаточно широко представленный в русской культуре, не может быть адекватно передан средствами греческого языка, поскольку в Греции не существует подобного природного явления. У носителей греческого языка, даже хорошо ознакомленных с русской культурой, это слово не вызывает достаточного количества ассоциаций, чтобы сформировать концепт.

В некоторых случаях концепт может иметь различную коннотацию. Например, концепт «кошка» у разных народов несёт различную коннотацию. Представителям иной культуры будет затруднительно читать переведённый текст, апеллирующий к иноязычному концепту.

Наконец, культуруносные концепты играют особенно важную роль в большинстве текстов. Их коннотации не всегда сильно различны или противоположны, однако нюансы значений и, главное, степень важности этих концептов для носителя культуры неизбежно вызывают снижение эквивалентности в переводе.

В нашей работе мы столкнулись с культуруносными концептами немецкой лингвокультуры „*Ordnung*“ и „*Angst*“. Русские слова не являются

полноценными эквивалентами, более того, не носят в себе того концептуального значения, что немецкие. Таким образом, за счёт небольших, но значительных нюансов эффект текста перевода не соответствует эффекту текста оригинала.

Всё вышеуказанное вплотную подводит нас к вопросу осуществимости перевода. Если передача концепта при переводе невозможна, то можно ли говорить об эквивалентности? Мы придерживаемся мнения, что переведённое произведение не может быть воспринято культурой языка перевода так же, как оно воспринимается культурой языка оригинала. Однако иное восприятие реципиента не обесценивает художественное произведение, а дополняет его новыми оттенками смысла. Таким образом, подвергнувшись переводу и попадая в межкультурную среду, произведение становится более «объёмным». Это способствует улучшению взаимопонимания между этносами, позволяет взглянуть со стороны на собственную культуру и, в конечном итоге, ведёт человечество к созданию общемировой культуры, объединяющей всё человечество.

Согласно В. И. Карасику, ключевым макроконцептом религиозного дискурса является концепт, объективируемый лексемой вера, основным фреймом скрипта которого является фрейм «Бог» [17].

Когнитивная лингвистика рассматривает явление иконичности. Это способность языковых единиц уподобляться означаемому в структурном или материальном отношении [53]. Когнитивная лингвистика видит в иконичности универсальное свойство языка [38, с. 32].

2.3 Восприятие концепта как переводческая проблема (на материале концептов „*Religion*” и „*Macht*”)

Многие исследователи рассматривают смысл, заключённый в тексте, как единицу перевода. Мы считаем, что перевод должен осуществляться с учётом особенностей целевого реципиента, включая его менталитет и сложившиеся в

его лингвокультурном пространстве культурные и религиозные концепты [45, с. 147–153]. Если концепт, на котором построен текст, различается в лингвокультуре страны языка оригинала и страны языка перевода, мы сталкиваемся с любопытной проблемой межкультурной коммуникации.

Для исследования нами была выбрана статья „*Gottes unheimliche Macht*“ [65], и её перевод «*Невероятная сила Господа*» [64], где раскрывается тема использования мировых религий в политических и военных целях. В тексте статьи тесно переплетены понятия и концепты „*Religion*“ и „*Macht*“. Ключевые слова, входящие в структуру этих концептов, окружают религиозную лексику, раскрывая в пределах статьи один из аспектов концепта «религия». Эта тенденция начинается с названия статьи и продолжается далее в тексте, например в сочетаниях „*religiöse Kräfte u der politische, der unheilvolle Einfluss der Religionen*“ [65], переведённых как «*религиозные силы*» и «*политическое влияние религий*» [64]. В обоих случаях переводчик использует вариантные соответствия. Таким образом автор текста воздействует на мысли читателя, погружая его в вербальное пространство статьи, полное религии как инструмента власти.

Ознакомившись с текстами оригинала и перевода, мы пришли к выводу, что, несмотря на достаточно близкий перевод, они производят разное впечатление. Мы обратились к различиям в восприятии указанных концептов представителями русской и немецкой лингвокультур, чтобы понять причины этого. В немецкой лингвокультуре концепт „*Macht*“ тесно связан с концептом „*Hierarchie*“ и, соответственно, с таким основополагающим концептом, как „*Ordnung*“. Это кажется очевидным, поскольку власть призвана поддерживать существующий порядок вещей. Однако, не всё так однозначно. При знакомстве с исследованиями С. С. Тахтаровой, в которых концепт „*Macht*“ описан как имеющий значительную отрицательную коннотацию [41], мы пришли к выводу, что она основана на связи с противоположностью „*Ordnung*“ – с концептом „*Chaos*“. Это можно объяснить неизбежной связью власти со злоупотреблением ею, ведущему к катастрофе национального и мирового

масштаба. Здесь представлен переход религии от силы порядка к силе хаоса: *In bestimmten Formen der Religion sehen viele die Möglichkeit, diese Welt wieder zu ordnen, aus Teilen eines Puzzles wieder ein Ganzes zu machen, klarer zu sehen. ... und danach, eine überlegene Position einnehmen zu können, in all dem Chaos* [65].

Но в русской лингвокультуре порядок и хаос не являются культураносными концептами, в ней широко представлена мечта о порядке, о чём свидетельствуют несколько устоявшихся выражений. Знаменитое «Страна у нас большая, порядка только нет» (А. К. Толстой) отражает это как нельзя лучше. Не менее известное «*навести порядок*» имеет неоднозначную трактовку – в буквальном понимании это обещание законности и благополучия, но в большинстве случаев выражение воспринимается как угроза, причём именно злоупотреблением властью, что не мешает использовать его, подразумевая положительные изменения. Таким образом, власть и порядок в русскоязычной культуре связаны иначе, чем в немецкой. Если в немецкой лингвокультуре власть является усилителем, который можно приложить как к порядку, так и к хаосу, или катализатором, обращающим порядок в хаос, то в русскоязычной власть первична, а порядок – лишь сопутствующее явление, желанное, но пугающее. Следовательно, упор автора оригинала на указанную оппозицию не достигнет желаемого эффекта на русскоязычную аудиторию, потому что, являясь достаточно понятной, она, тем не менее, не вызывает конфликта и страха, а легко укладывается в привычную картину мира, где злоупотребление властью является неприятным, но вполне обычным явлением.

Второй рассматриваемый нами концепт – «*религия*» – представлен огромным количеством ключевых слов, относящимся к различным категориям: собственно-религиозная лексика (названия обрядов, артефактов, священных книг, последователей религии, имена божеств, святых и т. д.), общерелигиозная лексика (общие названия для отправления обрядов) и новейшая религиозная лексика (названия телеканалов, общественных и политических институтов, связанные с религией). Последние представляют собой особенно интересные сочетания, непривычные для русскоязычного реципиента. Например, *Anführer*

des evangelikalen Abgeordnetenblocks [65], «*предводитель евангелического блока депутатов*» [64] читается практически как оксюморон, однако автор может найти отклик в разуме реципиента, считающего религию институтом власти. В отдельную категорию можно выделить не признанную официальной религией лексику (названия сект и террористических организаций, относящих себя к той или иной религии). К ним относятся, например, *islamistische Sekte Boko Haram* [65], в переводе «*исламистская секта “Боко Харам”*» [64]. Следует отметить, что как в оригинале, так и в переводе используется «исламистский» – слово с намеренно созданной отрицательной коннотацией, отдельное от более естественного «исламский», которое не должно ассоциироваться с терроризмом в массовом сознании. Переводчик по каким-то причинам не прибегает к более устоявшемуся варианту «группировка», сохраняя «секта», более близкое к оригиналу. Также в статье приведены отдельные цитаты из священных книг.

Многие из этих номинаций имеют однозначные эквиваленты в русском языке, но нередки и вариантные соответствия, а в некоторых случаях переводчик прибегает к смысловому развитию и иным переводческим трансформациям. В основном, такие трансформации не только оправданы, но и предпочтительны, поскольку лексика, вызывающая больше ассоциаций и эмоций у реципиента, лучше отвечает задачам текста оригинала. В оригинале использовано множество сочетаний религиозной лексики и слов с отрицательной коннотацией для воздействия на восприятие читателя, например, *Glaubenskrieger der evangelikalen Rechten* [64], переведённое как «*религиозные воины евангеликальных правых*» [65]. Автор пишет о политической ситуации в США, возможно, одинаково чуждой жителю Европы и России. При переводе *die extremen Christen* [65] выбрано вариантное соответствие «*радикальные христиане*» [64], придающее сильную отрицательную коннотацию. Радикализм подчёркивается и автором оригинала, который связывает его с фанатизмом *ausbreitender religiöser Fanatismus* [65] («*распространившийся религиозный фанатизм*») [64] и терроризмом – *Kombination aus religiösem Eifer und Terrorismus* [65] («*комбинация из*

религиозного усердия и терроризма» [64]), однако вариант «сочетание» смотрелся бы естественней. Здесь отрицательная коннотация связана не с властью, а с терроризмом и экстремизмом, вызывающим отрицательные ассоциации у современного русскоязычного человека.

Также автор апеллирует к сильным эмоциям, мистическим ассоциациям и к политической принадлежности, используя, например, словосочетание *durch die dunkle Kraft der Religion* [65] – «через темную силу религии» [64]. В данном случае текст отсылает читателя к первичной оппозиции света и тьмы, Добра и Зла, причисляя религию ко вторым, создавая ещё более явный оксюморон на базе такой сильной ассоциации, что он практически не вызывает диссонанса. В другом примере – *wütende weiße Christen* [65], переведённом как «яростные белые христиане» [64], использовано слово с сильной эмоциональной окраской в новом для русскоязычного дискурса информационном поле. Отметим, что восприятие текста оригинала может различаться в зависимости от политических взглядов читателя, но автор, демонстрируя свою позицию, приписывает противникам нетерпимость и пренебрежение к правам человека: политики из этих свободных церквей препятствовали введению предмета по сексологии в бразильских школах, они блокируют ослабление запрета на аборт и представили законопроект, согласно которому должно быть легализовано лечение гомосексуализма, при котором врачи будут пытаться абсурдными методами излечить гомосексуалов.

Русскоязычный реципиент независимо от политических и религиозных убеждений иначе воспримет поданную в тексте информацию в соответствии с условиями, в которых он проживает, и знаниями о ситуации в других странах. При этом рассмотрение проблем России будет воспринято им куда ближе к сердцу, чем жителем Германии или Европы. Здесь мы сталкиваемся с проблемой репрезентации инонациональной личности при переводе на язык народа, к которому эта личность принадлежит [20]. Когда переводчик знаком с данным дискурсом на русском языке, перевод становится более живым и естественным. Например, при переводе „*der Kreml die Wahrung traditioneller*

Werte“ [65] использовано распространённое словосочетание «Кремль провозгласил своей главной целью заботу о “традиционных ценностях”» [64].

Исследовав особенности передачи концептов при переводе, мы пришли к следующим выводам:

1. Восприятие концептов разными лингвокультурами может различаться, что создаёт определённую переводческую проблему.

2. В случае, когда данные различия учтены при переводе, возможно добиться передачи идеи и императивного посыла автора оригинала, опираясь на концепты лингвокультуры языка перевода.

3. Из результатов исследования следует, что в данной ситуации передача замысла оригинала не всегда возможна, и в некоторых случаях можно обеспечить реципиенту естественное восприятие текста как эпизода межкультурной коммуникации.

3 Религиозная лексика в контексте гибридности

3.1 Понятие гибридности

Исследования в области межкультурной коммуникации подтолкнули нас к изучению проблемы *гибридности* и её передачи в переводе.

Термин *гибридность* ввёл М. М. Бахтин. Согласно его определению, гибридность всегда смешение – высокого и низкого, нового и старого, сакрального и профанного, своего и чужого [4]. Гибридность – чрезвычайно многоплановое и разнонаправленное явление. На данный момент для понятия «гибридность» не существует однозначного определения; само явление гибридности также трактуется двояко. С одной стороны, М. М. Бахтин указывает на то, что гибрид – это нарушение нормы, преступление, профанация, курьёз [4, с. 48]. Гибрид вторичен, неблагороден и нов, он не имеет достойного происхождения и традиций [4, с. 52]. С другой стороны, ещё во времена античности понятие «гибрид» нередко ассоциировалось с двуполыми «предками» людей, которые обладали достаточной силой, чтобы противостоять богам [4, с. 53]. В дальнейшем любое смешение явлений разного порядка также трактовалось двояко. Каждый гибрид являлся одновременно чем-то меньшим, чем веками сформировавшееся, выросшее в культуру явление, и чем-то бóльшим, обладающим новыми признаками.

Термин «гибридность» пришёл в филологию из естественных наук. «Языковая гибридизация сходна с гибридизацией биологической, так как гибридность представляется универсальным свойством языка, развившимся в ходе естественной эволюции человека. Свидетельством тому служит факт, что многие свойства биологических гибридов как они были описаны в естественнонаучных исследованиях, вполне применимы к языковым фактам» [15]. В биологии гибрид считается более приспособляемым и способным к адаптации, чем его предшественники. Языковой гибрид «наследует» эти свойства. Диапазон выполняемых ими коммуникативных функций шире, также они способны образовывать открытые классы с размытыми границами [22, с.

3]. Следовательно, гибридизация языка – это естественный процесс, поскольку говорящий стремится к оптимизации усилий [59, с. 17–38]. Человеческая жизнь чрезвычайно многопланова, она не предполагает чёткого разграничения между явлениями различного порядка. Уровень важности событий условен и индивидуален, духовное неотделимо от телесного, а полная изоляция невозможна и противоестественна. Таким образом, сама человеческая природа требует смешения во всём, в том числе в языке как в одной из определяющих характеристик человечества. Мышление человека позволяет смешивать категории, мыслить диффузным множеством и осуществлять межкатегориальные переходы [15]. Можно сказать, что гибридность определяет человеческую культуру, потому что без гибридизации и сопутствующей ей динамики смешения невозможно дальнейшее развитие, возникновение нового. Также гибрид всегда служил источником конфликта, что отражено как в мифологии и религии (полу-бог не принадлежит ни одному из миров и обречён на борьбу за место в обоих), так и в более поздних светских произведениях (бастарды и изгнанники, чуждые как знати, так и простолюдинам; полукровки, не относящие себя к одной культуре; постмодернистские антигерои, сочетающие в себе добро и зло).

М. М. Бахтин говорил, в первую очередь, о гибридности между различными стилями, социальными языками, несмотря на то, что упоминал и слияние языков, разделённых географически [3]. Каждое явление существует во фрейме высокого и низкого и успешно сочетает в своём информационном поле то и другое. Традиционная лексикология исследует внутриязыковую гибридность. Однако исследователи, занимавшиеся дальнейшим изучением этого феномена, обратили внимание на гибридность между различными лингвокультурами. Такие исследования более распространены в социолингвистике.

В нашем исследовании мы остановились на гибридности, основанной на смешении языков и культур в современном обществе. На основании исследований Е. Зауберги в области гибридности можно наблюдать, как

гибридность на макроуровне (процессы глобализации, происходящие в мире) ведёт к гибридности на микроуровне, в частности, гибридности в языке и культуре [63, с. 265–266]. С развитием информационных технологий культуры в современном мире стали близки, как никогда, что породило массу таких гибридов. Согласно М. Снелл-Хорнби, природа гибридного текста тесно связана с процессом глобализации. «Гибридные тексты, как в постколониальной литературе, так и в иных жанрах, отражают современную действительность, гибридный мир. Гибридный текст естественен для нашего интернационального общества и интернациональной культуры» [62, с. 208]. Однако происхождение гибридных текстов гораздо более раннее. По мнению Е. Зауберги, «все переводные тексты должны быть признаны гибридными, поскольку перевод – это процесс перенесения текста одной лингвокультуры в другую лингвокультуру» [63, с. 265–266]. Обмен культурным достоянием посредством перевода широко применялся со времён античности, когда греческая культура была поглощена и адаптирована римской. «Переведённый текст соединяет, как минимум, два языка и две культуры», утверждает Э. Пим, «каждый из них представляет собой “чистое”, монокультурное языковое явление» [48, с. 196]. Последнее утверждение является спорным, поскольку большинство исследователей сходятся во мнении, что ни в настоящее время, ни в отдалённом прошлом не существует и не существовало чистых культур, поскольку даже задолго до глобализации, развития информационных технологий, всеобщей грамотности и книгопечатания культуры не существовали в абсолютной изоляции друг от друга.

Ш. Саймон полагает, что гибридность в тексте может быть языковой и культурной [60, с. 497–506]. Первая определяется заимствованной лексикой, вторая – заимствованием идей. При дальнейшем развитии этой идеи происходят дальнейшие деления уровней гибридности. Существует множество вариантов выражения межкультурной гибридности в языке. Она может проявляться на лексическом уровне, когда в тексте использованы иностранные слова и понятия; на уровне предложения, когда синтаксическая

структура заимствуется из иного языка и на когнитивном уровне. В последнем случае мы можем говорить о заимствовании автором идей иной культуры и построении на их основе собственного произведения. Созданный в результате текст содержит в себе черты различных культур. Такую гибридность можно назвать *намеренной*, поскольку автор осознанно стремился продемонстрировать инакость, чуждость части своего произведения родной культуре. Помимо намеренной существует и *неосознанная* гибридность. Она появляется в ситуациях, когда автор текста использует иноязычные слова и понятия, не стремясь намеренно подчеркнуть инокультурный характер описываемых событий, а просто считая их наиболее подходящими для выражения собственных мыслей. Последний случай скорее характерен для устной речи, когда автор-продюцент не обладает литературной компетенцией и не создаёт каких-либо образов.

Отметим, что в качестве предмета гибридизации мы рассматриваем не отдельные лексические единицы, которые также могут подвергаться гибридизации, а текст как единицу перевода. Гибридность в переводе интересна, в первую очередь тем, каким изменениям подвергается гибридный текст, будучи переведённым. Любой переведённый текст является гибридным для культуры страны перевода, но в случае, когда он был «высокогибридным» и в стране оригинала, при переводе гибридность претерпевает значительные и непредсказуемые изменения. Это явление подробно будет рассмотрено нами в практической части главы.

Определение гибридного произведения в словаре *Le Petit Robert* показывает, что это «текст, состоящий из двух и более элементов, различных по своей природе» [52].

В процессе полимодальной гибридизации разнородные элементы соединяются, порождая новые смыслы [49, с. 13].

В нашем исследовании мы будем опираться на определение Ш. Саймон:

«Гибридный текст – текст, в котором присутствуют иноязычные заимствования, затрудняющие идентификацию его принадлежности к той или

иной лингвокультуре. Диссонанс, интерференция, разнородная лексика, нарушение когезии, изменение синтаксиса и другие очевидные свидетельства некорректного использования языка составляют единую стратегию креолизации, ведущую к созданию гибридного текста. Несмотря на то, что такой текст не является переводным, в нём присутствуют особенности, характерные для переведённого текста. Такой текст представляет собой отражение современного общества» [60, с. 217–226].

Отметим, что в современной науке гибридность может относиться не только к смешению различных языков, но и к смешению различных знаковых систем. В данном контексте употребляется термин «гетерогенность», то есть, разнородность. Гетерогенность в некотором отношении противоположна гибридности, поскольку при ней различные языки и знаковые системы не сливаются, образуя новое уникальное единство, а только перемешиваются.

В последние десятилетия процесс глобализации в сфере культуры значительно ускорился, и, по мнению некоторых исследователей, мы стремимся к миру, в котором не будет границ между языками и культурами. Процессы миграции и культурной глобализации также обеспечивают гибридизацию разных форм и явлений, а раздробленность национальных сообществ и смягчение границ между ними приводят к ещё большему смешению различных народов и культур.

Гибридность в тексте может быть представлена в двух различных категориях: культурной, то есть, экстралингвистической и текстовой, лингвистической.

Несомненно, перевод гибридного текста – сложный и многоплановый процесс.

В нашем исследовании мы рассматриваем межкультурную гибридность, выраженную в языке через религиозную лексику. Некоторые исследователи называют её транслингвальностью. Мы уже упоминали как различные группы религиозной лексики, так и её важность для культуры. С точки зрения гибридности, можно условно распределить лексику по шкале гибридности, от

создающей лишь слабый намёк на гибридность до *«высокогибридной»*. Уровень гибридности зависит от того, насколько тесно лексика связана с той или иной лингвокультурой, имеет ли она эквиваленты в другой культуре и подвергалась ли хоть раз переводу. Исходя из этого постулата, можно утверждать, что наивысшим уровнем гибридности обладает лексика, не подвергнутая даже транслитерации и отражающая сугубо локальную реалию, а наиболее низкой – имеющая вариант перевода и определяющая понятие, в основном, относимое к иной культуре. Например, для английского языка слово «эзрянка», написанное кириллицей, обладает наиболее высоким уровнем гибридности, слово “tsar” – менее высоким, и слово “Russian” – наиболее низким. Уровень гибридности религиозной лексики может различаться в зависимости от пары языков, образующих «гибрид», но в целом можно оценить его как достаточно высокий. Политеистические религии сформировались во времена, когда обмен информацией между культурами был затруднён, соответственно, большинство лексем имеет в лучшем случае только транскрипцию и неузнаваемы для большинства носителей культуры. Более поздние монотеистические религии, дожившие до информационной революции, обладают более низким уровнем гибридности. Они имеют более сформировавшиеся лексемы для обозначения в иных лингвокультурах, их значение более ясно, однако они продолжают быть крепко связанными с понятием «чужого». Это показательно, в первую очередь, на лексике, связанной с исламом или различными направлениями христианства.

3.2 Анализ гибридности в художественном тексте

Анализируя тексты, выбранные нами в качестве эмпирического материала, мы пришли к выводу, что они являются гибридными, и эта гибридность обусловлена именно наличием в них религиозной лексики, относящейся к различным лингвокультурам. В случае «Американских богов» мы имеем дело с лексикой, относящейся к политеистическим религиям, на данный момент перешедшим в область мифологии, в то время как в

«Невероятной силе Господа» широко представлена лексика, относящаяся к современным мировым монотеистическим религиям. Далее мы последовательно рассмотрим оба текста с позиции гибридности, проанализируем перевод религиозной лексики и сделаем вывод об изменениях, которые происходят с гибридностью при переводе.

В романе Н. Геймана «Американские боги» (2001) и его переводе на русский язык широко представлены различные виды текстовой гибридности, а также безусловные признаки гибридности культурной (о культурном пространстве художественного текста см. [13, с. 121–126]). Действие романа, написанного британцем, разворачивается в современной Америке, а сюжет тесно связан с такими темами, как религия, мифология, иммиграция и смешение культурной идентичности.

При исследовании материала выяснилось, что в романе Н. Геймана очень часто встречаются явления как массовой, так и высокой культуры. Множество примеров такой гибридности можно увидеть в эпиграфах к каждой главе, которые представляют собой цитаты из литературных произведений, песен и стихов (Ричард Дорсон «К теории американского фольклора»; Томас Бэйли Олдрих «Врата без стражи»; Венди Дониджер О'Флагерли «Введение в мифы индуизма» и др.). Гибридность присутствует и в основном тексте романа. Таким образом, интертекстуальность является одной из основных черт «Американских богов». Помимо этого, основной темой романа являются различные политеистические религии, что обуславливает присутствие в романе понятий, относящихся к этим религиям и связанным с ними культурам. Поскольку данная лексика не входит в основной состав английского языка, она представляет собой гибридное явление.

Американская культура сама по себе является гибридной, что обусловлено историческими особенностями формирования американской государственности. Культура современной Америки широко распространена практически по всему миру. Оба этих фактора затрудняют идентификацию

американской культуры в целом и определение гибридных явлений в ней, в частности.

1. Уровни гибридности

А) Лексический уровень. Это иностранные слова, обозначающие названия мифологических существ, номинации богов, названия обрядов и артефактов, связанных с той или иной культурой, а также топонимы и антропонимы (О последних см. [44, с. 111–113]). Мы решили не учитывать лексику, связанную с христианством, поскольку задолго до основания США христианство являлось наиболее распространённой религией для большинства эмигрантов и в итоге поспособствовало формированию основ современной американской культуры. Таким образом, говоря о той или иной культуре, мы имеем в виду её языческую составляющую. Этот уровень чрезвычайно широко представлен в тексте. Он охватывает более десяти культур: скандинавскую, славянскую, египетскую, кельтскую, африканскую, индийскую, греко-римскую, культуру коренных народов Америки, а также обще-индоевропейскую культуру. Наиболее широко в произведении представлена скандинавская культура (58 лексических единиц).

Б) Уровень предложения. На этом уровне мы рассматриваем особенности построения предложений, передающие акцент персонажей, для которых английский язык не является родным. Поскольку все персонажи прожили на территории Америки долгое время, они достаточно хорошо владеют английским языком. Тем не менее, особенности речи формируют законченный языковой образ. Наиболее ярким примером в романе является речь славянских эмигрантов.

В) Уровень смысла. На этом уровне представлены отрывки мифов, цитируемых в тексте, описание религиозных обрядов, а также эпизоды, построенные на основе вышеуказанных текстов. Поскольку американская культура начала формироваться относительно недавно, языческие верования и обряды не могут являться её первой ступенью, что характерно для большинства

других культур. Таким образом, отрывки языческих текстов других народов и взятые из них мотивы представляют собой гибридность на уровне смысла.

В нашем исследовании мы уделим основное внимание первому уровню.

2. Уровень слова

В романе присутствуют 244 уникальные лексические единицы, так или иначе являющиеся гибридными. Эти единицы можно разделить на категории, руководствуясь различными критериями отбора. По культуре происхождения их можно разделить на скандинавские (58), славянские (8), древнеегипетские (14), кельтские, ирландские (35), африканские (30), индийские (10), греко-римские (23), исламские (8), индейские (16), общеиндоевропейские, китайские, японские. Все эти культуры являются чуждыми американской, несмотря на то что они оказали частичное влияние на её формирование. Также следует обратить внимание на то, что при переводе текст на некоторых уровнях становится менее гибридным, чем текст оригинала. Согласно М. М. Бахтину, гибридные конструкции (др. термин – «двуголосое слово») – сочетание «своего» и «чужого» в речи – являются естественной речевой формой («органическая гибридность»). Следовательно, она естественным образом присутствует и в художественном тексте. Однако М. М. Бахтин отмечает, что органическая гибридность может быть и свойством прозаического художественного слова, это так называемые «намеренные гибриды». Там, где в тексте оригинала представлена намеренная гибридность, в тексте перевода будет наблюдаться «органическая гибридность» [3].

Это объясняется тем, что божества, имеющие общее происхождение и сходные черты во всех индоевропейских культурах, остаются чуждыми для американской культуры, сформировавшейся уже в период господства христианства. В русском переводе гибридность текста также снижается за счёт наличия славянских божеств среди персонажей романа. Несколько подчёркнутых случаев гибридности, например, неспособность главного героя запомнить славянские имена богов, неспособность проассоциировать эти имена с видом их деятельности, особенности английской речи славянских божеств

полностью нивелируются в русском тексте перевода и в умах русскоязычных реципиентов. В тексте оригинала можно наблюдать феномен инонациональной языковой личности, в то время как в тексте перевода мы видим русскую национальную языковую личность в представлении иноязычного автора.

При этом некоторые гибридные слова и выражения воспринимаются русскоговорящим реципиентом как более чуждые и далёкие. К ним относятся слова, понятия и явления, заимствованные из культур коренных народов Америки и Африки, такие как изложенные в романе мифы о Лисе и Волке и о Громптицах (*thunderbirds*) (О последних см. [53]).

По характеру денотата лексические единицы можно разделить на имена и прозвища богов (88), названия, имена и прозвища существ (54), имена героев (16), названия и имена животных (11), названия артефактов (21), названия различных вымышленных локаций (7), реально существующие топонимы (14) и прочее (37). Первая категория наиболее обширна, поскольку многие боги только упоминаются, в то время как локации и артефакты описываются лишь для главных героев.

Все эти иноязычные лексические единицы в тексте оригинала претерпели различные трансформации в процессе заимствования. В соответствии с этим, их можно поделить на подвергшиеся транскрипции с элементами транслитерации, описательному переводу, калькированию, адаптации.

При переводе на русский язык все гибридные лексические единицы претерпели повторный перевод, на чём мы подробнее остановимся ниже.

3. Скандинавская мифология

В соответствии с авторским замыслом, одним из главных героев романа является реинкарнация скандинавского бога *Óдина*, *мистер Среда* (*mr. Wednesday*). Среди лексики, относящейся к иным культурам, наибольшее количество занимают скандинавские лексические единицы – 58 уникальных наименований. 24 из них – номинации богов, большинство из которых – различные имена *Óдина*. Также присутствует значительное количество названий мифологических существ, упомянутых в романе, животных,

несколько названий артефактов и топонимов, а также лексика, связанная с различными обрядами почитания *Óдина*. Согласно роману, древние скандинавы, добравшись до берегов Америки и исполнив там ритуалы, связанные со своими богами, «поселили» их на этой земле.

Среди современных жителей Америки процент неоязычников, исповедующих религию древних скандинавов, чрезвычайно низок, однако в силу значительного влияния скандинавской мифологии на германскую, мировую и современную культуру, уровень гибридности между культурами довольно высок. Достаточно вспомнить, что происхождение англоязычных названий дней недели напрямую связано с германским пантеоном, что подробно обыгрывается в романе. Упоминается связь *Óдина-Вотана* со средой (Wednesday), *громовника-Тора* с четвергом (Thursday) и *Фригг* (жены *Óдина*) с пятницей (Friday). Например:

“Well, seeing that today certainly is my day – why don’t you call me Wednesday? Mister Wednesday. Although given the weather, it might as well be Thursday, eh?” [66]

В переводе: *Ну, учитывая, что сегодня определенно мой день, почему бы тебе не называть меня Среда? Мистер Среда. Хотя, учитывая погоду, с тем же успехом мог быть Торгов четверг, а?* [67]

“Friday today. Friday’s a free day. A woman’s day. Saturday tomorrow. Much to do on Saturday” [66].

В переводе: *Сегодня пятница. Пятница – свободный день. День женщин. Завтра суббота. В субботу много работы* [67].

В русском языке, в отличие от германских языков, этот элемент гибридности полностью отсутствует, поскольку в русском языке названия дней недели имеют совершенно иную этимологию. Таким образом, с точки зрения языкового наследия для русскоязычных читателей скандинавская лексика представляют собой куда более «далёкую» гибридность, чем для англоязычных.

Однако с точки зрения истории мифологии, концепция пантеона скандинавских богов, напрямую восходящих к общеиндоевропейскому

пантеону, естественна и понятна для русскоязычного читателя. Концепты бога-судьи (*Óдин, Зевс, Варуна*), бога войны (*Арес, Марс*), бога-громовержца (*Зевс, Перун, Юпитер, Тор*) являются узнаваемыми для большинства современных индоевропейцев, вне зависимости от их языка и религиозных представлений. Поскольку значительный процент современного населения США составляют потомки выходцев из Европы, они так же хорошо знакомы с этими мифологическими существами. Вследствие продолжительного господства христианства как на территории Европы, так и на территории России данные образы значительно утратили свой религиозный смысл, однако не лишились его окончательно. Это можно объяснить привнесённостью христианства и наложением религий, происходившим повсеместно. Можно сказать, что для США, государственность которых сложилась во время господства христианства, данные языческие образы культурно более далеки, чем для России. Однако следует помнить и о масштабном искоренении всех религиозных культов и связанных с ними суеверий на территории бывшего СССР. Таким образом, можно сделать вывод, что с точки зрения культурно-исторического наследия данная гибридность является *равноудалённой* от современной культуры России и США, несмотря на то, что это явление обусловлено различными историческими причинами.

Обратимся к особенностям перевода гибридной лексики скандинавского происхождения на русский язык. Следует отметить, что большая часть этой лексики имеет устоявшиеся эквиваленты в русском языке, поскольку скандинавские мифологические произведения, а также работы по их изучению уже переводились на русский язык, например:

Lord of Asgard – *властелин Асгарда*. Вариантное соответствие, транскрипция.

Lord of the Gallows – *Хозяин Виселищ*. Вариантное соответствие.

Lord of the Aes – *властитель асов*. Вариантное соответствие, транскрипция. Во всех представленных выше сочетаниях при переводе даны различные вариантные соответствия слова *Lord*. Это можно объяснить

стремлением переводчика избежать тавтологии и добавить в роман художественной выразительности.

Valaskjalf – *Валаскъяльв*. Как оригинал, так и перевод представляет собой транскрипцию слова *Válaskjálf*, палаты *Óдина*, помещения, где находится его трон.

Odin's Hall – *Óдинова Палата*. Вариантное соответствие.

Norns – *Норны*. Транскрипция, устоявшееся соответствие. *Норны* – в германо-скандинавской мифологии три женщины, способные определять судьбы мира, людей и богов. Являются гранью транскультурного образа богинь судьбы *мойр*.

Dwarf – *гном*. Устоявшееся соответствие.

Giants – *гиганты*. Устоявшееся соответствие.

Goblin – *гоблин*. Транскрипция, устоявшееся соответствие.

Troll – *троль*. Транскрипция, устоявшееся соответствие.

Eight-legged horse – *восьминогий конь*. Вариантное соответствие. Восьминогий конь принадлежит Одину.

Ravens Huginn, Muninn (Thought, Memory) – *Вороны Хугин и Мунин, Разум и Память*. Транскрипция, вариантное соответствие, ранее зафиксированы при переводе скандинавских мифов.

Wolves Freki and Geri – *волки Гери и Фреки*. Транскрипция, перестановка имён, ранее зафиксировано при переводе скандинавских мифов.

Odin's Wain – *Колесница Óдина*. Транскрипция, вариантное соответствие, ранее зафиксировано при переводе скандинавских мифов.

World tree – *Мировое древо*. Калька, устоявшееся соответствие.

Все вышеприведённые слова и понятия являются чуждыми как для американской, так и для российской культуры. Однако в обеих культурах существуют устоявшиеся варианты перевода, что свидетельствует о взаимопроникновении культур – несомненно, гибридном явлении.

4. Кельтская мифология

Теперь обратимся к персонажам ирландского фольклора. Большинство из них были только упомянуты в книге, в истории, посвящённой жизни одной суеверной ирландской иммигрантки. Она искренне верила в реальность этих кельтских мифологических существ, соблюдала связанные с ними ритуалы, в результате чего в романе они действительно появились на территории Америки как живые люди. В лексике, в свою очередь, появились и обозначающие их номинативные единицы. Слова, понятия и топонимы, взятые из кельтской и ирландской культуры, представлены 35 уникальными понятиями и составляют 14% от общего числа гибридной лексики в романе. По количеству их превосходят только лексические единицы скандинавской мифологии. Такое количество ирландских заимствований можно объяснить ролью ирландцев в заселении Северной Америки. Ирландцы составляли почти половину всех иммигрантов в США в 40-е и треть в 50-е годы XIX в. Эти цифры примечательны с учетом того, что территория Ирландии сопоставима с территорией штата Мэн, а численность ее населения никогда не превышала 8,5 млн. человек [2]. Многие ирландские иммигранты были чрезвычайно бедны и неблагополучны, что способствовало распространению среди них различных суеверий. Однако ирландцам удалось успешно интегрироваться в американское сообщество, сохранив собственную национальную идентичность. Католическая вера во многом способствовала сохранению их национального самосознания. Сегодня ирландцы — одна из самых процветающих этнических групп в Соединенных Штатах, значительно превышающая средние показатели в стране по уровню образования, профессиональному положению, доходу и домовладению [2]. В наши дни ирландская община намного менее замкнута, чем была ранее, что способствует ещё большему сближению и смешению культур на территории США. Вышеперечисленные факторы позволяют нам лучше понять, почему в тексте оригинала столь высок процент гибридности с ирландской культурой.

Рассмотрим более подробно особенности ирландской веры и суеверий. Как и в большинстве европейских стран, христианство в Ирландию было принесено извне и тесно переплелось с язычеством, исповедуемым коренными жителями острова. Об этом автор романа говорит устами своего героя, *Сумасшедшего Суини*:

А потом Суини пытался – обеими руками – разъяснить историю богов Ирландии, как одна их волна за другой приходили из Галлии и из Испании, из любого, черт побери, места на Земле, и как каждая следующая волна превращала богов предыдущих в троллей и фейри и тому подобных существ, пока не явилась сама святая мать церковь и без спроса трансформировала всех до единого богов в Ирландии в фейри, или святых, или мертвых королей...
[67]

Эта цитата во многом объясняет тот факт, что среди всех ирландских понятий в романе только одно является именем божества – *Мориган* (англ. *Morrigan*, богиня войны в ирландской мифологии), но количество наименований демонов и прочих мифологических существ, обладающих сверхъестественными способностями превышает аналогичное во всех прочих культурах, представленных в романе.

Ирландский персонаж, играющий значительную роль в романе – *Mad Sweeney* (рус. *Сумасшедший Суини*), восходит к *Suibne Geilt* (*Суибне-гельт*). *Суибне-гельт* – персонаж ирландского фольклора, король *Дал н-Арайде Суибне мак Колман*, сошедший с ума (или нечто подобное) вследствие проклятия святого *Ронана*. В романе персонаж достаточно далёк от своего мифологического прототипа и представляет собой собирательный образ различных персонажей ирландского фольклора. Сам *Сумасшедший Суини* именуется себя *лепреконом* (*leprechaun*) (об этом см. ниже), коим *Суибне-гельт* не являлся, и обладает способностями, характерными для данного существа. Персонаж представлен как стереотипный ирландец, воплощение представлений о народе и его мифологии. Это один из ключевых героев романа, и форма его имени в оригинале, а также его перевод представляют для нас значительный

интерес. Уже в тексте оригинала мы сталкиваемся с передачей имени с ирландского языка на английский. Мы обратились к истории мифологического прототипа персонажа, а также к этимологии его имени, чтобы определить, насколько правомерны оба перевода.

В современном ирландском языке слово *gealt*, произошедшее от *geilt*, имеет значение «сумасшедший, психически больной». Однако в древности само понятие безумия более ассоциировалось с асоциальным поведением, чем с неестественными представлениями о мире, а асоциальное поведение, в свою очередь, обуславливалось не только психическими заболеваниями, но и исключением из системы существующих правил и норм, «социальной смертью» и другими подобными, не связанными с ментальными болезнями факторами. Согласно исследованиям Т. А. Михайловой, наиболее близким русским эквивалентом к слову *geilt* является лексема «дикий», наиболее точно передающая состояние, в котором пребывает персонаж на момент своего проклятия. Также при анализе оригинального произведения становятся очевидными сверхъестественные способности, которыми обладал *Суибне-гельт* [31, с. 440]. Следует отметить, что для персонажа романа характерны своеобразные черты поведения его прототипа, в том числе повышенная эмоциональность, демонстративность и асоциальное поведение, которые, однако, нельзя приравнять к картине клинического безумия.

Поскольку герой романа значительно отличается от своего прототипа, имя *Mad Sweeny*, выбранное автором, можно считать уместным. Это обусловлено как различиями жанров романа и мифа – невозможно полноценно передать в романе мифологизированный образ со всеми его характерными особенностями – так и задумкой автора, в соответствии с которой персонажи представляют собой искажённое временем и пространством представление о своих прототипах. Под таким же именем персонаж фигурирует и в других англоязычных источниках, что позволяет говорить об устоявшемся варианте перевода.

Обратимся к русскому переводу. В случае с именем переводчик использует один из вариантов транскрипции, более благозвучный и популярный в современном переводе, чем другой возможный – *Свини*. Употребление слова *tad* неоднородно в британском и американском вариантах английского. В британском его основным значением является «безумный, сумасшедший или очень глупый», в то время, как в американском превалирует «злой, некто, пребывающий в гневе». Переводчик, зная, какое именно качество имеется в виду, выбирает правильное вариантное соответствие. Таким образом, перевод теряет небольшую долю неоднозначности, с которой сталкивается читатель оригинала, но приобретает красиво звучащую анафору (*Сумасшедший Суини*), которая вызывает у читателя ассоциацию со сказкой, фольклором и высоким стилем. Таким образом, лексическая единица передана с использованием вариантности соответствия и транскрипции, с учётом принципа благозвучия и вольным или невольным созданием фонетического средства выразительности, что в целом позволяет считать перевод чрезвычайно удачным.

Многочисленные персонажи ирландского фольклора несколько раз перечисляются в книге в контексте осведомлённости о них того или иного персонажа. Понимание таких абзацев несколько затруднено для большинства как англоязычных, так и русскоязычных читателей, не имеющих ирландских корней.

Далее мы опишем некоторых из существ, упомянутых в романе, и определим приёмы, использованные переводчиком для передачи их названий на русский язык.

Как упоминалось выше, *Сумасшедший Суини* считает себя *лепреконом*. *Лепреконы* являются разновидностью *фэйри* (об этом см. ниже), и обладают характерными чертами существ-трикстеров. Они сеют мелкий хаос, разыгрывая людей, прячут у основания радуги горшки с золотом и выполняют три желания в обмен на свободу, в случае если их поймают. В современной культуре образ *лепрекона* популяризирован и узнаваем. Тем не менее, он значительно

отличается от оригинала (в том числе и тем, что цветом традиционного *лепрекона* был красный, а не зелёный). *Лепрекон* – устоявшаяся в русском языке транскрипция, которую правомерно использует переводчик.

Фейри (*Fairy*), в свою очередь, представляют собой существ метафизической природы, чей образ в сознании людей значительно менялся в различные эпохи. В настоящее время авторы вновь обратились к более традиционным образам *фейри*, как существ с иной, нечеловеческой моралью, потенциально опасных и не заслуживающих доверия. Этот образ был кардинально переосмыслен в эпоху романтизма и оставался таковым вплоть до недавнего времени. *Фейри* представлялись исключительно положительными существами, тесно связанными с природой и обладающими сакральными знаниями. В английском языке существует множество созвучных слов (*fay, fae, fair folk; from faery, faerie*), обозначающих этих существ. В русском языке долгое время господствовал вариант перевода «фея», связанный прежде всего с вышеописанным положительным образом. Использование менее традиционного варианта, вероятно, обусловлено нежеланием переводчика вызывать у читателя ложные ассоциации.

Пикси (*piskies*, другая форма написания *pixie*) по своей природе достаточно близки к *фейри*. Их происхождение также связано с наложением христианства на язычество: по одним сведениям, это души друидов, не знавших христианства, по другим, – души детей, умерших некрещёнными. Пикси традиционно несколько более дружелюбны, чем *фейри*, могут помочь в быту или проучить человека за жестокость, но также склонны к озорству. Зная различные хитрости, можно получить от *пикси* помощь в бытовых и магических делах, тот же, кто не знает этих уловок или проявляет непочтительность, может пострадать от жестоких шуток «маленького народца». В романе их описание совпадает с традиционным мифологическим образом:

...пикси: рыжеволосые курносые мужчины в зеленой одежде и с глазами, зелеными, как река, косоглазые шутники, которые, если захотят, поведут вас

и закружат, заморочат и с пути собьют, если в кармане у вас не будет соли или краюхи хлеба [67].

Автор использовал менее распространённую форму написания *piskies* вместо традиционного *pixie*, вероятно, с целью подчеркнуть давность происхождения существ и неопределённость их образа. Переводчик же использует единственную устоявшуюся в русском языке форму транскрипции, что является справедливым, поскольку транскрипция оригинального *piskie* созвучна с формой русского слова и вызывает неуместные ассоциации, что затруднило бы чтение и без того сложного и насыщенного заимствованной лексикой участка текста.

Фейри, пикси и прочие подобные существа нередко выполняют схожие функции и являются взаимозаменяемыми в романе. Одним из их собирательных воплощений оказался **кузен Джек** (*Cousin Jack*). Именно он в романе является умирающей ирландке, «привёзшей» его в Америку, и его внешний вид соответствует описанию *пикси*:

Незнакомец был одет во все зеленое: тускло-зеленые клетчатые панталоны, зеленую куртку и темно-зеленую пелерину. Волосы у него были морковно-рыжие, и усмехнулся он ей криво. Было что-то в этом знакомце, от чего, раз на него взглянув, она почувствовала себя счастливой, и еще что-то нашептывало ей об опасности [67].

Ниже представлены прочие персонажи ирландского фольклора и перевод их наименований.

Spriggans – **древесные фейри**. Поясняющий перевод. Оригинал заимствован из корнского языка – *spyrujyon*, что означает «духи». Внешне данные существа схожи со скандинавскими троллями, только имеют не каменную, а древесную фактуру. Могут вредить людям ради забавы, от чего помогает соль, святая вода и вывернутая наизнанку одежда.

black dogs of the moors – **черные собаки с болот**. Калька, смысловое развитие и вариантное соответствие. Ближе к оригиналу *чёрные собаки болот*,

возможно, переводчик остановился на более понятном варианте. Также одно из значений слова *moor* – «вересковая пустошь».

Seal-women of the Channel – девы-тюлени с севера. Оригинальное *seal-women of the Channel* представляет собой описательный перевод слова *Selkies* (рус. *Шелки*). В переводе на русский – калька, смысловое развитие и вариантное соответствие, присутствуют перестановки. Переводчик использует поэтичное и устаревшее слово *девы* вместо нейтрального *женщины*, меняет расположение слова *тюлени* и заменяет более близкое к оригиналу *девы-тюлени (из) канала\пролива*, на *девы-тюлени с севера. Девы-тюлени (Шелки)* – мифические существа, добрые и достаточно безобидные.

Knockers – стукальщики. Перевод представляет собой кальку, устоявшееся соответствие. Это небольшие существа, обитают под землёй и в шахтах, воруют еду и инструменты рабочих.

The bluecaps who live down the mines – синие шапки, которые живут в шахтах. Калька, присутствует раздельное написание вместо слитного. То же, что и *стукальщики*.

The Bussa – Букка. Транскрипция. То же, что и *стукальщик*.

Apple-tree men – люди яблони. Калька, вариантное соответствие (*люди*, а не *мужчины*).

Black Dog of the Moors – Черный Пёс с Болот. Калька, смысловое развитие, вариантное соответствие. Ближе к оригиналу *чёрный пёс болот*, также допустимо *Чёрный болотный пёс* возможно, переводчик остановился на более понятном варианте. Также одно из значений слова *moor* – «вересковая пустошь». В данном случае для перевода слова *dog* из двух синонимов был выбран *пёс*, а не как *собака*. В силу особенностей коннотации слова данный вариант удачнее предыдущего.

Raw-Head – Голая Голова. Смысловое развитие, в переводе отсутствует дефис, который есть в оригинале. *Raw* – «сырой» (не варёный) и «ободранный», значения, достаточно далёкие от русского «голый». В оригинале имеется ввиду «голова без кожи». Переводчик пошёл на трансформацию и искажение смысла

с целью сохранения благозвучия и создания анафоры, которая присутствует в другом англоязычном названии этого же существа. *Raw-Head* – существо, забирающее непослушных детей, придумано с целью устрашения и поддержания дисциплины.

***Bloody-Bones* – Кровавые Кости.** Калька, в переводе отсутствует дефис, который есть в оригинале, анафора сохранена. Другое название для *Raw-Head*.

***Kobold* – Кобльд.** Транскрипция с элементами транслитерации. Это хозяин места, разновидность *фейри*, требующий той или иной платы за пребывание на его территории или за благополучие на этой территории.

***Banshee* – Банши.** Транскрипция с элементами транслитерации. Существо, воющее у домов, в которых кто-то скоро умрёт.

Для среднего русскоязычного читателя ирландский язык и ирландская культура достаточно далеки и слабоизучены. Персонаж *Сумасшедший Суини* воспринимается только непосредственно через текст, не вызывая ассоциаций со своим прототипом. Подобная, хотя и несколько иная ситуация складывается при встрече русскоязычного читателя с другими упомянутыми персонажами ирландского фольклора. Общая эрудиция, а также информация, данная непосредственно в романе, не позволяют читателю отнести *фэйри*, *лепреконов* и прочих существ к классической или современной американской культуре. Поскольку популяризированный образ этих мифологических существ сильно искажён относительно исходного, у русскоязычного читателя может возникнуть чувство когнитивного диссонанса.

Эта ситуация подводит нас к разграничению понятия гибридности на «близкую» и «далёкую».

Близкая гибридность между культурами наблюдается, когда представители этих культур проживают на смежных территориях или на территории одной страны, и между ними постоянно происходит культурный обмен. Естественным результатом продолжительной близкой гибридности выступает окончательное смешение культур.

В случае *далёкой* гибридности, представители различных культур отделены друг от друга территориально и исторически, что сводит на нет естественный, бытовой обмен культурным наследием. Встречая в тексте, нередко в переведённом, упоминания далёкой и малоизвестной культуры, реципиент не имеет никаких уже сложившихся ассоциаций как с самим термином, так и с обозначенным им объектом или явлением, что затрудняет донесение до него авторского замысла. В то же время, подобный взгляд со стороны представляет собой определённую ценность незамутнённого восприятия, взгляда со стороны.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в соответствии со степенью близости гибридных культур восприятие реципиентов текста оригинала и текста перевода будут отличаться вне зависимости от перевода. Ниже мы рассмотрим интересный случай, в котором гибридность перевода оказывается более близкой, чем гибридность оригинала.

5. Славянская мифология

В романе присутствуют несколько представителей балто-славянского пантеона: *Зоря Утренняя*, *Зоря Вечерняя*, *Зоря Полночная* [43, с. 236–245], Чернобог и Белобог [10, с. 188–191], которых в романе напрямую называют русскими.

“Are they gypsies?” asked Shadow.

“Zorya and her family? Not at all. They’re not Rom. They’re Russian. Slavs, I believe” [66].

На лексическом уровне в романе наблюдается лишь незначительная гибридность между славянской и американской культурами, поскольку число использованных лексических единиц довольно невелико. Однако славянское божество *Чернобог* является одним из главных героев романа, который активно взаимодействует с главным героем *Тенью Муном* (*Shadow Moon*) и играет значительную роль в его судьбе.

Чернобог (*Czernebog*, *Zcerneboch*, в оригинале используется искажённая латинская передача) — в мифологии балтийских славян злой бог, приносящий

несчастье, бог земли и преисподней. Он представляет множество различных и противоречивых функций, из чего следует вывод, что *Чернобог* – образ собирательный. На это указывает и этимология имени. Чёрный цвет изначально ассоциировался не столько со злом, сколько с тёмным подземельем и подземным миром. Позже этот цвет стал символом зла и смерти, поскольку стало принято считать, что он исходит от смертоносного божества, обитающего в глубинах земли. Таким образом, *Чернобог* был связан с подземным миром, «миром под горой» [10, с. 188–191].

Вышеуказанные герои наделены многими качествами, характерными для русских эмигрантов в США (не самой благополучной их категории, учитывая особенности жизни персонажей). Тем не менее, герои не представлены в подчёркнуто стереотипном или пародийном виде. Образы героев достаточно хорошо проработаны, многогранны и неоднозначны, что демонстрирует принятие американской культурой русских эмигрантов и достаточное взаимопроникновение между культурами.

В контексте данной статьи славянский пантеон в романе представляет для нас особый интерес. В оригинале автор использует транскрипцию для передачи имён богов на английский язык. Поскольку русский и английский языки достаточно далеки друг от друга, несмотря на то что оба принадлежат к индоевропейским семье языков, среднестатистический англоязычный читатель не в состоянии интуитивно понять мотивацию наименования героев и определить их функции. Даже прочитав описания и характеристики (*Зоря Вечерняя* активна вечером, *Зоря Утренняя* утром, *Зоря Полночная* бодрствует лишь ночью, *Чернобог* олицетворяет силы зла, а *Белобог* – добра), англоязычный читатель сможет понять имена героев, только воспользовавшись двуязычным словарём.

В случае с русскоязычным читателем наблюдается совершенно иная ситуация: даже при чтении оригинала практически любой русскоязычный читатель поймёт значение имён героев и без труда определит их функции и особенности их характеров. При этом следует отметить, что *Зори*, *Чернобог* и *Белобог* – далеко не самые известные и популярные языческие божества на

территории современной России. Люди, интересующиеся мифологией, а также неоязычники гораздо чаще вспоминают *Перуна*, более позднее божество. По словам автора, он не мог ввести *Перуна* в повествование, поскольку его функции слишком близки к функциям скандинавского божества *Тора*.

“We come over here together, long time ago”.

All our countrymen go to New York. Then, we come out here, to Chicago. Everything got very bad. Even in the old country, they had nearly forgotten me. Here, I am just a bad memory [66].

В переводе: *Мы приехали сюда вместе давным-давно.*

– Сперва мы приехали в Нью-Йорк, – продолжал Чернобог. – Все наши соотечественники едут в Нью-Йорк. Потом мы перебрались вот сюда, в Чикаго. Все стало совсем худо. Даже дома обо мне почти позабыли. Здесь же я просто дурное воспоминание [67].

При передаче имён и описаний этих героев переводчик столкнулся с неожиданной трудностью – избежать тавтологии и декларации очевидного: в оригинале автор использует множество намёков и описаний, чтобы пояснить функции героев читателю, которые в силу чисто лексических причин кажутся излишними читателю русского перевода. Например:

“I am the youngest. Zorya Utrennyaya was born in the morning, and Zorya Vechernyaya was born in the evening, and I was born at midnight. I am the midnight sister: Zorya Polunochnaya” [66].

В переводе: *Я самая младшая. Зоря Утренняя родилась поутру, Зоря Вечерняя – вечером, а я родилась в полночь. Я – ночная сестра: Зоря Полуночная* [67].

Также переводчику не удаётся, пользуясь средствами русского языка, воспроизвести затруднения, которые испытывает главный герой Тень, пытаясь выговорить или вспомнить странное для него имя.

“You are Zorya Polu...”, he hesitated. “The sister who was asleep”. “I am Zorya Polunochnaya, yes” [66].

В переводе: *– Вы Зоря Полу... – Он помялся. – Та сестра, что спала.*

– Да, я *Зоря Полуночная* [67].

He thought of Zorya...what the hell was her name? The midnight sister [66].

В переводе: *Он подумал о Зоре... как, черт побери, ее имя? О полуночной сестре* [67].

Говоря о «близости» гибридности, мы можем утверждать, что славянские божества – достаточно «далёкий» гибрид для американской культуры. Это обусловлено малой степенью родства между языками, географической отдалённостью стран, различными условиями исторического развития и политическими факторами. Тем не менее, в силу присутствия на территории современных США достаточного количества людей, имеющих русскую национальную идентичность, и значительного распространения российского культурного достояния данная гибридность является достаточно распространённой и вполне узнаваемой.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что при переводе романа Н. Геймана «Американские боги» на русский язык гибридность, содержащаяся в именах русскоязычных персонажей, была практически утрачена в силу естественных, не зависящих от переводчика причин. Также можно предположить, что данное явление распространяется и на переводы анализируемого романа на другие национальные языки, например, на шведский или ирландский. Это подводит нас к проблеме передачи репрезентации инонациональной языковой личности в переводе, которая заслуживает отдельного глубокого исследования.

3.3 Анализ гибридности в публицистическом тексте

Статья „Gottes unheimliche Macht” (коллективного автора) была размещена в электронной версии журнала Spiegel, её перевод «Невероятная сила Господа» находится на сайте «Иносми». В оригинале статьи основной является немецкая лингвокультура. В современной Германии жителям гарантирована свобода вероисповедания. Христианство пришло в Германию в

VIII н. э. во времена франков. Считается, что наибольший вклад в крещение Германии внёс святой Бонифаций, бывший епископом Майнца. Германия играла огромную роль в реформации церкви, в основе которой лежали учения Ульриха Цвингли (Ulrich Zwingli) и Мартина Лютера (Martin Luther). На протяжении истории христианство играло огромную роль в становлении немецкой культуры и формировании менталитета немцев. Реформация, в результате которой сформировалась протестантская конфессия, во многом определила направление развитие культуры, поспособствовала развитию основных качеств национального характера и обеспечила существование различных религиозных конфликтов, которые повлияли на историю страны. С 1919 г. церковь в Германии официально отделена от государства, однако старинные традиции, сформировавшиеся за предыдущие столетия, продолжают определять образ жизни современной Германии. Следует также отметить различие в отношении к религии на территориях бывших ГДР и ФРГ, поскольку жители первой, долгое время находящиеся под влиянием коммунистической идеологии, значительно менее религиозны, чем вторые. В настоящее время большинство немцев (64 % населения страны) — христиане различных конфессий. Согласно статистике, количество верующих неуклонно снижается с каждым годом. В то же время повышается количество людей, исповедующих ислам, во многом за счёт многочисленных мигрантов из мусульманских стран.

В статье рассматриваются различные мировые религии, в том числе огромное внимание уделено христианству, однако все они показаны, преимущественно, в контексте других стран, среди которых США, Россия, Израиль, страны Ближнего Востока, Южной Америки и Южной Африки. Следовательно, несмотря на то, что в целом связанную с христианством лексику нельзя считать гибридной по отношению к немецкой культуре, отдельные конфессии христианства, такие как Православие и отдельные направления Протестантизма, распространённые только на территориях Северной и Южной Америки, являются данной культуре «чужими»,

следовательно, лексику, связанную с ними, можно классифицировать, как способствующую гибридности текста. Также к гибридной лексике следует отнести все лексические единицы, связанные с Исламом и Иудаизмом, поскольку представители данных религий, даже проживающие на территории Германии, преимущественно воспринимаются как «чужие».

Представленные в статье единицы религиозной лексики плохо поддаются подсчёту, поскольку, помимо собственно-религиозных номинаций и словосочетаний из религиозной и нерелигиозной лексики, в ней присутствуют цитаты из религиозных текстов, пересказы отдельных отрывков религиозных текстов, а также лексика, связанная с какой-либо религией, но не признаваемая ей официально (секты и террористические группировки). Также большая часть религиозной лексики может быть отнесена к любой религии (Бог, молиться, религиозность, обряд и т.д.) – 42 слова и словосочетания. Тем не менее, наиболее широко представлено христианство (55 однозначно-христианских слов и словосочетаний, 12 обыгранных цитат и выражений из Ветхого и Нового заветов, 3 словосочетания, не признанных официальной религией), затем следует Ислам (22 однозначно-исламских слова и словосочетания, 1 цитата из Корана и 3 пересказанных эпизода, связанных с историей Ислама, 12 словосочетаний, не признанных официальной религией) и, со значительным отрывом, Иудаизм (4 однозначно-исламских слова и словосочетания).

Практически все слова, однозначно относящиеся к той или иной религии, переведены существующими однозначными эквивалентами. Несмотря на то, что восприятие данных эквивалентов в лингвокультурах может различаться, их уже можно отнести к глобальной лингвокультуре. Это, в первую очередь, названия конфессий, священных книг, праздников, имена пророков, топонимы, связанные с религиями.

Das Christentum – Христианство – однозначный эквивалент.

Katholiken – католики – однозначный эквивалент.

Muslime – мусульмане – однозначный эквивалент.

Salomo-Tempel – «Храм Соломона» – однозначный эквивалент, кавычки добавлены по неясным причинам.

Heilige Geist – *Святой дух* – однозначный эквивалент.

polnische Papst – *польский Папа* – однозначный эквивалент.

Freikirchen – *свободные церкви* – однозначный эквивалент.

Die Pfingstler – *Пятидесятники* – однозначный эквивалент.

Evangelikale – *евангелисты* – однозначный эквивалент.

Heilige Geist – *Святой дух* – однозначный эквивалент.

polnische Papst – *польский Папа* – однозначный эквивалент.

Siddharta Gautama – *Сиддхартха Готама* – однозначный эквивалент.

Jesus – *Иисус* – однозначный эквивалент.

Mohammed – *Мухаммед* – однозначный эквивалент.

Следует отметить, что большинство имён собственных имеют не немецкую и не русскую этимологию, как в оригинале, так и в переводе представляя собой транскрипцию с элементами транслитерации, нередко искажённую в ходе естественных процессов изменения языка (*Jesus* – *Иисус*). Однако в словах, связанных с обрядами и символами веры, наблюдается определённая закономерность. Так, в обоих языках мусульманская, иудейская и иная нехристианская лексика остаётся транскрипцией (*Коран*), в то время, как христианская лексика, не являющаяся именами собственными, имеет полноценный, понятный любым носителям языка перевод, как на русский, так и на немецкий языки (*Freikirchen* – *свободные церкви*). Это обусловлено особенностями распространения христианства – через перевод – и его важностью в становлении как российских, так и германских государственности и национального самосознания.

Наибольший интерес для нас представляют лексемы, имеющие различную коннотацию, например «**неверные**» – по неизвестным причинам этот вариант перевода использован для передачи всех синонимов, например, *Nichtgläubige* и *Ungläubige* (неверующие), и *Andersgläubigen* (иноверцы). В

одном случае слово «неверные» появляется в тексте перевода там, где отсутствует в тексте оригинала, выполняя функцию компенсации:

Auch das Christentum eignet sich also zur Abgrenzung, wenn es missbraucht wird [65].

В переводе: *Так что христианству тоже не чуждо стремление к избавлению от «неверных», если трактовать его превратно* [64].

Слово «неверные» в русскоязычном дискурсе способствует повышению гибридности текста, поскольку его использование традиционно приписывается мусульманам по отношению к иноверцам. Таким образом, текст перевода демонстрирует более «близкую» гибридность с мусульманской культурой, чем текст оригинала. Это обусловлено рядом экстралингвистических факторов. Также можно предположить, что в ближайшем будущем ситуация может измениться по причине миграционного кризиса и большей интеграции мусульманской культуры в европейскую.

Сочетания религиозной и нерелигиозной лексики или контекстуально-связанные с религией отрывки также представляют переводческий интерес.

...werde die ganze Welt und der Himmel auch entzaubert [65] – *и мир, и небо будут расколдованы* [66] – опущение, буквальный перевод, добавление союза, вариантное соответствие. Мы хотели бы обратить особое внимание на вариантное соответствие «расколдован». Несмотря на то, что оно передаёт замысел автора, одно из значений оригинала – «разочарован», могло бы быть лучше передано с использованием дополнений и смыслового развития, например «утратили мистическое очарование» или «лишены сверхъестественного флёра».

„des christlichen Abendlandes“ [65] – «христианской Европы» [64] – вариантное соответствие. Данный пример представляет особый интерес с точки зрения гибридности, поскольку происходит определённый географический перенос.

islamisches Glaubensbekenntnis [65] – *основы ислама* [64] – вариантное соответствие, смысловое развитие.

Также новейшая религиозная лексика кажется наиболее гибридной, как в оригинале, так и в ещё большей степени, в переводе. Несмотря на то, что мы имеем дело с реально существующими номинациями общественных и политических организаций, для русскоговорящего реципиента они звучат как оксюморон. Рассмотрим некоторые примеры:

der christliche Fernsehsender [65] – *христианский телеканал* [64] – вариантное соответствие, буквальный перевод.

christliche Wähler [65] – *христианские избиратели* [64] – вариантное соответствие, буквальный перевод.

Der Einfluss konservativer Christen [65] – *Влияние консервативных христиан* [64] – буквальный перевод. В данной ситуации мы наблюдаем гибридность с современной американской культурой. Отметим, что деление на республиканцев и консерваторов более характерно для Европы, в том числе и Германии, чем для России. Следовательно, при переводе гибридность становится более далёкой относительно оригинала.

С точки зрения гибридности, наибольший интерес для нас представляет отрывок, посвящённый социальной ситуации в современной России. Мы считаем целесообразным привести данный отрывок полностью, поскольку в нём крайне высокая концентрация собственно-религиозной и контекстуально-религиозной лексики:

Keiner symbolisiert die Ehe von Orthodoxie und Staat so sehr wie Kirill. Als der damals 62-jährige Metropolit 2008 zum Oberhaupt der Russisch-Orthodoxen Kirche gewählt wurde, verstanden viele das als Zeichen neuer Offenheit. Kirill galt als gebildeter und weltgewandter Mann. Für die russische Kirche, die bekannt ist für ihre strengen Dogmen, ihre nationalistische Ausrichtung und die starren liturgischen Zeremonien, beginne eine neue Ära, hieß es damals. Das Gegenteil trat ein. Patriarch und Staatsoberhaupt wirken wie ein Zwillingsspaar. Gemeinsam legen sie an staatlichen Feiertagen Blumen nieder oder weihen Denkmäler ein.

Kirill ist zum wichtigsten Wegbereiter der nationalistischen Rhetorik unter Putin geworden. Er treibt die Idee von der besonderen „russischen Welt“ voran,

welche dem Westen überlegen sei, und er warnt vor der Gefahr der Verwestlichung – denn die führe zur völligen Zerstörung der zivilisatorischen Grundlagen Russlands. Wenn das nicht nur Putin behauptete, sondern sogar das **Kirchenoberhaupt**, dann müsse es wohl stimmen, sagen sich viele Russen.

Auch rechtfertigt **die Orthodoxie** die immer aggressivere Außenpolitik des Kreml. Den Krieg in der Ostukraine – also **das Töten anderer Christen** – bezeichnete die Kirche als „**heilig**“, die Bombardements in Syrien setzte sie mit der „**Verteidigung des Vaterlandes**“ gleich.

Kirill und sein gewaltiger Apparat plädieren für eine noch stärkere Variante der konservativen Staatsideologie, als es der Kreml selbst schon tut. **Die Kirchendevis** „**Glaube, Macht, Gerechtigkeit, Würde**“ erinnert an die Staatsideologie in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts [65].

В переводе: Никто не олицетворяет собой «брак» между православием и государством так, как **патриарх Кирилл**. Когда 62-летний митрополит в 2008 году стал **предстоятелем Русской Православной Церкви**, многие ожидали, что **церковь** вскоре станет еще более открытой — Кирилл считался хорошо образованным человеком, готовым к контактам с внешним миром. Тогда казалось, что для **РПЦ**, известной своими строгими догмами и **склонностью к национализму**, начинается новая эпоха. Однако все произошло с точностью до наоборот.

Патриарх и президент производят впечатление братьев-близнецов. Они совместно возлагают цветы к памятникам по государственным праздникам или открывают новые памятники.

Кирилл стал едва ли не самым важным спутником националистической риторики при Путине. Он активно продвигает идею особенного «русского мира», который во всем превосходит Запад, и говорит об опасности «западнизации» российского общества, потому что она якобы повлечет за собой разрушение цивилизационных основ России. И многие россияне, похоже, считают, что раз об этом говорит не только Путин, но и **патриарх**, то, видимо, это действительно так.

Кроме того, РПЦ оправдывает агрессивную политику Кремля. Войну на востоке Украины и тем самым убийство других христиан она назвала «священной», а операцию российских ВВС в Сирии приравняла к «защите Отечества».

Кирилл и весь его аппарат даже больше, чем сам Кремль, выступают за усиление консервативной государственной идеологии. Девиз церкви «Вера, власть, справедливость, достоинство» напоминает государственную идеологию первой половины XIX века [64].

В данном случае мы имеем дело с иным распределением «близости» и «отдалённости» гибридности как в оригинале, так и в переводе. Так, лингвокультура США лишь ненамного ближе к лингвокультуре Германии, чем к лингвокультуре России. Несмотря на то, что государственный английский язык США этимологически ближе немецкому, чем русскому языку, и в обеих странах протестантизм распространён намного шире, чем в России, культура США остаётся однозначно «чужой», как в оригинале, так и в переводе. Подобная же ситуация складывается по отношению к странам Южной Африки – гибридность оригинала и перевода очень «далёкая» территориально и социокультурно, однако сама идея противостояния мусульман и христиан одинаково понятна как русскоязычному, так и немецкоязычному читателю. Гибридность, образованная за счёт исламской лексики, отличается, скорее, по «качественным» показателям. Христианскую и исламскую культуру на территориях России и современной Германии связывают различные исторически сложившиеся отношения. Показательно, что в переводе исламская лексика более эмоционально окрашена, чем католическая или протестантская. Это указывает на то, что переводчику тема данных взаимоотношений ближе и понятнее, а сам факт наличия такой выразительной лексики в российской лингвокультуре свидетельствует о достаточно близких отношениях с Исламом.

Гибридность кардинально меняется в отрывке, посвящённом непосредственно России. В немецком тексте это достаточно высокий уровень гибридности – этимологически неблизкие языки, различные конфессии,

значимые различия в менталитете и долгая и противоречивая история отношений между странами. В переводе мы, как и в примере из «Американских богов», видим полное исчезновение гибридности. В данном случае оно проявляется ещё более ярко, поскольку, имея дело с публицистическим текстом, переводчик не скупится на лексику и устоявшиеся выражения, связанные с данным дискурсом в современной России.

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. При переводе произведения гибридные явления в нём претерпевают некоторые изменения, обусловленные различными культурными и лингвистическими факторами.

2. Переводчик не может нивелировать вышеуказанные изменения в гибридности, однако, используя доступные ему средства выразительности языка, может создать полноценную замену оригинальному явлению.

3. Гибридность может быть «близкой» и «далёкой», в зависимости от уровня родства между основным языком и культурой произведения и теми языком и культурой, с которыми создаётся гибрид. «Близость» гибридности также претерпевает изменения при переводе.

4. Перевод репрезентации инонациональной языковой личности на язык той национальности, к которой она (личность) относится, представляет интересную и своеобразную проблему для современного переводчика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Религиозная лексика – широкий и разнородный пласт, включающий в себя единицы различного формата, принадлежащие к разным лингвокультурам. В современном мире религиозная лексика по-прежнему широко представлена как в художественных, так и в публицистических текстах. В первых она нередко используется для создания художественного образа и для многочисленных стилистических приёмов, особенно востребованных сейчас, в эпоху постмодернизма и глобального переосмысления культурного наследия человечества. Использование религиозной лексики в публицистических текстах можно объяснить, в первую очередь, сохранением актуальности темы религиозной принадлежности, её важности для общества и обсуждаемости в СМИ. Безусловно, такая распространённость религиозной лексики вызывает потребность в её адекватном переводе, который невозможен без тщательного изучения предмета. Ниже мы рассмотрим основные результаты нашей работы.

Религиозная лексика широко используется для создания *стилистических приёмов и художественных образов*, поэтому от переводчика требуется как хорошее понимание метафор и отсылок, связанных с ней, так и способность совершать такие переводческие трансформации, как *смысловое развитие*, чтобы сохранить авторский замысел, придерживаясь содержания, а не формы. Нами были представлены как удачные, так и неудачные примеры передачи художественных приёмов, основанных на религиозной лексике. Проанализировав данные примеры перевода, мы пришли к выводу, что успех переводчика (и, как следствие, переведённого произведения) зависит от уровня его эрудиции, обеспечивающей понимание текста, и языкового чутья и творческих способностей, позволяющих достичь высокого уровня эквивалентности при изложении текста. Согласно нашим наблюдениям, почти во всех случаях наличие смелых, необычных трансформаций способствовало повышению художественной ценности текста перевода, в то время как их отсутствие, напротив, приводило к досадным

тавтологиям либо непониманию. Следовательно, переводчик художественных и публицистических текстов достигнет большего успеха, если будет активнее прибегать к трансформациям там, где это уместно. Выявленная необходимость коренных трансформаций во многих стилистических приёмах, связанных с религиозной лексикой, подводит нас к следующему заключению.

Религиозная лексика тесно связана со *многими культуруносными концептами*, более того, подобная связь может быть создана намеренно, для того или иного стилистического приёма. Различия в культуруносных концептах лингвокультур не позволяют переводчику передать авторский замысел. В этом случае у переводчика есть два пути: самостоятельно изменить форму стилистического приёма, сохранив авторский посыл, но используя концептуальные средства языка перевода, либо придерживаться формы, позволяя ей влиять на содержание и сохраняя текст как некий «взгляд со стороны», более чуждый для целевого реципиента, но несущий в себе ценность «стороннего мнения». Мы считаем оба варианта допустимыми при различной переводческой задаче, однако в нашем исследовании мы смогли оценить только второй вариант. Тем не менее, в некоторых ситуациях эффект «взгляда со стороны» возникал независимо от действий переводчика, что вплотную подводит нас к очередному заключению.

Наличие в тексте религиозной лексики значительно повышает его *гибридность*, поскольку религия тесно связана с лингвокультурой, к которой она принадлежит. Если в тексте оригинала использована религиозная лексика лингвокультуры языка, отличного от языка оригинала, такой текст является гибридным. Мы исходим из положения, согласно которому любой переведённый текст является гибридным, однако, если текст оригинала был гибридным до перевода, то при переводе гибридность претерпевает неизбежные изменения, обусловленные множеством как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Различная грамматическая структура языков, наличие или отсутствие в них определённых диалектов, а также степень родства языков гибридной пары, их этимология и мотивация

номинаций одних и тех же денотатов не позволяют переводчику создать идентичный текст на языке перевода. Однако мы склонны считать это не неким несовершенством перевода, как процесса, а обширным полем для творчества, которое позволяет переводчику не просто перенести текст из одной лингвокультуры в другую, а создать нечто большее, позволить реципиенту взглянуть на другие культуры с новой, непривычной для него точки зрения. Таким образом, чтение переведённого текста, неизбежно искажённого в силу независящих от переводчика причин, можно рассматривать как случай межкультурной коммуникации и применять к нему те же критерии оценки успешности и полезности. Поскольку особенности коннотаций тех или иных слов основаны на культураносных концептах, стоящих за ними, наш третий вывод напрямую связан с когнитивной лингвистикой.

Наша **гипотеза**, согласно которой гибридность текста оригинала претерпевает значительные и неизбежные изменения при переводе, ***полностью подтвердилась***. Мы можем с уверенностью утверждать, что гибридность между различными лингвокультурами, проявляющаяся на лексическом, грамматическом и смысловом уровне, претерпевает изменения при переводе текста-основы гибрида на другой язык. В то время как одни языки и культуры сильно «отдаляются» в результате такого процесса, другие, напротив, тесно «приближаются» друг к другу. В некоторых случаях исторические либо текущие политические факторы имеют не меньшее значение, чем географические. Это позволяет реципиенту текста перевода смотреть на мир, представленный в нём, под иным ракурсом, нежели реципиенту оригинала. Получаемое различие в восприятии является неизбежным и повышает исходную культурно-информационную ценность текста, вынося его за пределы авторской культуры в глобальное межкультурное пространство. Особенно феномен смены ракурса заметен в том случае, если в оригинале гибрид был образован с помощью лингвокультуры будущего перевода – т. е., когда английский текст с вкраплением русских слов был в дальнейшем переведён на русский язык. На примере пар английский-русский и немецкий-русский хорошо

видны все возникающие при переводе проблемы, начиная с фонетического уровня и заканчивая когнитивным. Мы считаем, что данный феномен заслуживает отдельного исследования, которое будет достаточно актуальным, поскольку поможет лучше понять восприятие России за рубежом, что весьма важно при текущей политической ситуации.

Итак, наше исследование обладает достаточной степенью новизны и отвечает актуальным проблемам современной филологии, направленной, в первую очередь, на исследование особенностей мышления. Помимо этого оно соответствует тенденциям глобализации и реакционным процессам, сопутствующим ей, и позволяет взглянуть на эту проблему с точки зрения перевода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 204 с.
2. Архив газеты «Континент» (2006-2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=485c5418a875c>.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Бахтин М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. – Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – М. : Русские словари, 1996. – 703 с.
5. Бижева З. Х. Антропоцентризм культуры – антропоцентризм языка / З. Х. Бижева // Русская и сопоставительная филология : состояние и перспективы. – Казань, 2004. – С. 200–207.
6. Вардзелашвили Ж. Концепт как лингвистическая категория – «конструктивная сущность» : Сб. науч. тр. / Ж. Вардзелашвили. – Тбилиси : Тбилис. гос. ун-т. филол. фак-т., 2004. – С. 39–45.
7. Вейсгербер Й. Л. Язык и философия / Й. Л. Вейсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 114–124.
8. Волоскович А. М. Иконотекст как разновидность полимодальной гибридизации / А. М. Волоскович // Вестник МГЛУ. – 2011. – № 611. – С. 16–26.
9. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 192 с.
10. Голан А. Миф и символ / А. Голан. – М. : Русслит, 1993. – 376 с.
11. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : науч. изд. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. – 36–44.
12. Ивлева А. Ю. Об этнической идентичности и культурной самоидентификации / А. Ю. Ивлева // Регионология. – 2008. – № 2. – С. 321–322.

- 13.Ивлева А. Ю. Смыслопорождение культурного пространства художественного текста / А. Ю. Ивлева // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – Т. 4. № 4. – С. 121–126.
- 14.ИЗМЫ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izmy.info/node/597>.
- 15.Ирисханова О. К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания / О. К. Ирисханова // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 603. – С. 135–152.
- 16.Кабакчи В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи. – СПб. : Союз, 2001. – 480 с.
- 17.Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. — Волгоград : Перемена, 1999. – С. 5–19.
- 18.Карасик В. И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики / В. И. Карасик // Известия ВГПУ. – 2011. – № 8. – С. 109–115.
- 19.Карнаухова М. В. Текстовый портрет политика как компонент политического дискурса : экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Карнаухова. – Ульяновск, 2000. – 161 с.
- 20.Кисткина Ю. М. Гибридность в романе Нила Геймана «Американские боги» и его переводе на русский язык / Ю. М. Кисткина // Лингвокультурология. – 2017. – № 11. – С. 58–77.
- 21.Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – М. : Филол. ф-т МГУ, 1997. – 245 с.
- 22.Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
- 23.Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем : Пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

24. Лебедев А. В. История формирования картины мира в теории культуры / А. В. Лебедев // Вятский вестник государственного гуманитарного университета. – 2016. – № 3 – С. 9–12.
25. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Леорда. – Саратов, 2006. – 19 с.
26. Ляпин С. Х. Концептология : к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты : науч. тр. Центроконцепта. – Архангельск, 1977. – Вып. 1. – С. 11–35.
27. Мазяр Е. И. Термин «Концепт» как разновидность когнитивной метафоры в научном дискурсе / Е. И. Мазяр // Вестник ННГУ. – 2012. – № 5-1. – С. 304–306.
28. Мартынова Н. А. Межкультурная коммуникация как особый вид общения / Н. А. Мартынова // ОНВ. – 2007. – № 2 (54). – С. 148–151.
29. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
30. Мифы народов мира : Энциклопедия в 2-х томах. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – Т.1. – 671 с. – Т.2. – 719 с.
31. Михайлова Т. А. Суибне-гельт : зверь или демон, безумец или изгой / Т. А. Михайлова. — М. : Аграф, 2001. – 440 с.
32. Мухамеджанова Н. М. Межкультурные коммуникации в условиях глобализации / Н. М. Мухамеджанова // Вестник ОГУ. – 2010. – № 7 (113). – С. 67–74.
33. Пашукова Т. И. Эгоцентризм : феноменология, механизмы формирования и коррекции / Т. И. Пашукова. – Кировоград : Центрально-Украинское изд-во, 2001. – 397 с.
34. Пашукова Т. И. Этноцентризм в межкультурной коммуникации / Т. И. Пашукова // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 563. – С. 151–156.
35. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 2 (54). – С. 127–131.

- 36.Платов А. Магические искусства Древней Европы / А. Платов. – М. : София, 2002. – 478 с.
- 37.Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 314 с.
- 38.Сигал К. Я. Проблема иконичности в языке / К. Я. Сигал // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 100–120.
- 39.Смирнова Г. В. Понятие концепта в лингвокультурологии / Г. В. Смирнова // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 603. – С. 87–93.
- 40.Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
- 41.Тахтарова С. С. Концепты Macht и hierrarchie в немецкой лингвокультуре / С. С. Тахтарова // Вестник ВолГУ. Серия 2 : Языкознание. – 2013. – № 2. – С. 127–131.
- 42.Токарев Г. В. Лингвокультурология / Г. В. Токарев. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.
- 43.Шестеркина Н. В. Фольклорные тексты в структуре вербального мифологического осознания (лингвокультурологическое исследование на материале русского и немецкого языков) / Н. В. Шестеркина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 417 с.
- 44.Шестеркина Н. В. Антропонимические номинации богов в переводе романа Н. Геймана «Американские боги» на русский язык / Н. В. Шестеркина, Ю. М. Кисткина // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж. Р. Р. Толкина). – М. : ИИУ МГОУ, 2017. – С. 111–113.
- 45.Шестеркина Н. В. Религиозная картина мира / Н. В. Шестеркина // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXV : Язык и человек : проблемы когниции и коммуникации. – М. : ИЯ РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ, 2016. – С. 147–153.

46. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презирующим / Ф. Шлейермахер. – М. : К., 1994. – 432 с.
47. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1 : Образ и действительность / О. Шпенглер. – Новосибирск, 1993. – 377 с.
48. Anthony P. Against Praise of Hybridity. Across Languages and Cultures / P. Anthony. – 2001. – 196 p.
49. Budor D. Le texte hybride / D. Budor, W. Geerts. – Paris : Presses Sorbonne Nouvelle, 2004. – 158 p.
50. Comparative study of Civilizations : reader / Comp. and edit. by B. S. Erasov. – М. : AspektPress, 2001. – 556 p.
51. Deutsch M. The Resolution of Conflict : Constructive and Destructive Processes / M. Deutsch. – New Haven : Yale University Press, 1973. – 420 p.
52. Dictionnaire LeRobert [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lerobert.com/>.
53. Haiman J. Natural Syntax Iconicity and Erosion / J. Haiman. – Cambridge : CUP, 1985. – 296 p.
54. Native languages [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.native-languages.org/thunderbird.htm>.
55. Online Etymology [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/raider>.
56. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/Wednesday>.
57. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etymonline.com/index.php?term=grim&allowed_in_frame=0.
58. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/word/religion>.
59. Pietarinen A. An Invitation to Language and Games / A. Pietarinen // Game Theory and Linguistic Meaning. – Oxford : Elsevier, 2007. – P. 17–38.

60. Ritzer J. Macdonaldization, globalization / americanization and new means of consumption / J. Ritzer // Modern sociology theory. – SPb. : Piter, 2002. – № 5. – P. 497–506.
61. Simon Sh. Cultural and Textual Hybridity. Across Languages and Cultures / Sh. Simon. – 2001. – P. 217–226.
62. Snell-Hornby M. The space “In Between” : What is a Hybrid Text? / M. Snell-Hornby // Across languages and cultures. – 2001. – № 2. – P. 208.
63. Zauberga I. Discourse interference in translation / I. Zauberga // Across languages and cultures. – 2001. – № 2. – P. 265–266.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ-ПРИМЕРОВ

64. Невероятная сила Господа [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-143811198.html>.
65. Gottes unheimliche Macht [Электронный ресурс] // Spiegel Online. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-143811198.html>.
66. RoyalLib.com электронная библиотека [Электронный ресурс] // RoyalLib. – Режим доступа: http://royallib.com/book/Gaiman_Neil/amerikanskije_bogi_per_aakomarinets.html.
67. Etextlib электронная библиотека [Электронный ресурс] // Etextlib. – Режим доступа: <http://www.etextlib.ru/Book/Details/35009>.